

ВЕРА КАТША

СЕРДЦЕ ЗВЕРЯ
ТОМ ВТОРОЙ

ШАР СУДЕБ

Вера Викторовна Камша

Сердце Зверя. Том 2. Шар судеб

Серия «Отблески Этерны», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239402

Камша В. В. Сердце Зверя. Т. 2. Шар Судеб : Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38419-8

Аннотация

Где-то с той стороны, на изнанке мира, катится лабиринтом Шар Судеб. Он катится, и начинаются войны, рушатся города, сходят обвалы. Шар можно подтолкнуть, направить в другую колею, но и там он будет крушить и давить – он не умеет иного. А люди и нелюди Кэртианы чувствуют, как дрожит то, что казалось незыблемым. Чувствуют войну, которой не избежать, ведь выбор – это та же битва, и один потомок славного рода выберет честь и верность, другой – иллюзии и обиды. Мертвые и живые воюют по-своему и за свое, и даже мертвая кровь могла бы пригодиться – но поймет ли это тот, кто уже разменял кровь живую? А Шар Судеб все катится, набирая обороты. Сдаются крепости. Стучат клинки. Расцветают ирисы на пепелище. До начала нового Круга осталось... Если осталось. *Роман «Сердце Зверя», одно из ярчайших произведений мировой фэнтези последних лет, к восторгу читателей, наконец-то получил долгожданное продолжение!!!*

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	8
1	9
2	16
3	22
Глава 2	30
1	31
2	37
3	40
4	43
Глава 3	51
1	51
2	55
3	58
Глава 4	65
1	65
2	68
3	72
Глава 5	75
1	75
2	78
3	81
Глава 6	85

1	85
2	90
3	93
Глава 7	99
1	99
2	102
3	104
4	106
Глава 8	109
1	109
2	115
3	118
Глава 9	122
1	122
2	126
3	133
Глава 10	139
1	139
2	143
3	149
Глава 11	152
1	152
2	156
3	160
Глава 12	168
1	168

Конец ознакомительного фрагмента.

Вера Камша

Сердце Зверя. Том второй: Шар Судеб

*Лето растет, как растет стена,
Жажда свела берега ручья,
Мне все равно, какова цена, —
Это моя семья.*

*Осень плывет неспешной волной,
Слепо заглатывая поля,
Мне все равно, что будет со мной, —
Это моя земля.*

*Льется луна из окна в окно,
Ломится вслед за луной весна,
Мне до Заката не все равно —
Это моя страна.*

Даниил Мелинц

Я не сторонник напускной бравады и рисовки, эти качества не отвечают правилам поведения командира. Ему должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

Маршал Советского Союза Рокоссовский

Автор благодарит за оказанную помощь Александра Бурдакова, Ирину Гейнц, Марину

Ивановскую, Данила Мелинца (Rodent), Кирилла Назаренко, Ирину Погребецкую (Ira66), Михаила Черниховского, Татьяну Щапову, Эвелину Сигалевич (Raene), а также Донну Анну (Lliothar).

Часть первая

Луна¹

Ложь иной раз так ловко прикидывается истиной, что не поддаться обману значило бы изменить здравому смыслу.

Франсуа де Ларошфуко

¹ Высший аркан Таро «Луна» (**La Lune**) символизирует погружение души в потемки, встречу со страхами, заблуждение, тайных врагов. Карта предвещает двойственное поведение друзей, необоснованные претензии, указывает на повышенную эмоциональность и интуицию, неустойчивый характер. **Перевернутая карта (ПК)**: некто прячется за маской, нельзя полностью доверять. Иногда означает небольшой обман, разоблаченный вовремя, небольшие ошибки, легко достижную цель.

Глава 1
Талиг. Хербсте.
Печальный Язык. Оллария
400 год К.С. 20—21-
й день Весенних Волн

После победы над собственными офицерами Ариго выдохся напрочь. Генерал еще понимал, что происходит, когда под рычанье дорвавшегося до жертвы врача его укладывали на носилки и волокли сквозь солнечные заросли. Все, что Жермон мог, это не закрывать глаз, и он их не закрывал – то ли из упрямства, то ли из страха потерять сознание. Солдаты несли своего командующего медленно, словно на похоронах, и столь же медленно, в такт тяжелым шагам, качались здоровенные пятнистые цветы. Их становилось все больше, они гудели, как какие-то шмели, а под горой узкой, чуть ли не торской долиной шла артиллерия. Угрюмые ежи волокли четверные запряжки с тяжелыми пушками. Дрожала земля, противно скрипела на зубах поднятая лапами и колесами пыль, хвост и голова колонны терялись в желтом сухом тумане. Кто ее вел, с носилок было не разглядеть, но вдоль растянувшегося обоза, подбоченясь, ехал на своей Бабочке Кроунер.

– Двигать нужно чрез-вы-чай-но осторожно, – вещал разведчик, – чтобы не по-вре-дить тромб, который закрыл разрыв со-су-да. Через какое-то время сосуд спазмиру-ет-ся и кровотечение – нет, не прекращается, но уменьшается...

Сквозь пыль проступили очертания каких-то зданий. Печальный Язык... Форт дрожал и кривлялся, словно стал соб-

ственным отражением в исцарапанной ветром Хербсте. На флагшток вместо знамени кто-то прицепил окровавленную одежду. Кровь на рубашке поднялась до живота, в крови была и штанина. Ставшее жестким сукно не желало реять по ветру, его следовало заменить, как и генерала... Немедленно, пока не увидел уткнувшийся в толстенную книгу Бруно.

– Не-об-хо-ди-мо срочно поднять кро-вя-ное давление, – объявил фельдмаршал, чихнул, оказался мэтром Капоттой и захлопнул том Дидериха. Раздался пушечный залп. Кронер поднял Бабочку на руки и зашвырнул в рассыпавшийся тяжелым задымленным снегом бастион. Кобыла, недовольно мяукая, стала пробиваться сквозь холодную целину, оставляя достойный обоза след. Когда пришла зима, Ариго не заметил, но оттого, что лета он так и не увидел, стало обидно. До не свойственных генералу слез.

– ...давать жаро-по-ни-жа-ющее и непременно – красное вино, – донеслось сквозь трещащую, как туча кузнечиков, метель, – же-ла-тель-но – с медом и гвоздикой... хорошее кро-ве-твор-ное.

Зима из серой стала синей и пронзительно холодной – не миновать лезть на крышу. Если не снять с флагштока мундир, они замерзнут до смерти, а форт сейчас бесполезен. Жермон так и сказал, и тут выбравшаяся из снежного месива Бабочка вцепилась когтями ему в бедро.

– Это приказ командующего, – спокойно объяснил Придд. Он был совершенно мокрым. Опять прыгал по льдинам! Ну

и обормот, ведь было же приказано...

– Полковник Придд! – рявкнул Ариго. – Не смей бегать по льду! Вам ясен приказ?

– Да, господин генерал, – подтвердил наглец и чихнул. Запахло кровью, винным уксусом и какой-то горелой мерзостью. Не порохом – хуже... Жженные перья! Кто-то палит курицу... Жермон открыл глаза, которые вроде бы и не закрывал. Он лежал в том самом домике, что служил ему резиденцией, на собственной кровати, если, конечно, у него имелась какая-то собственность, кроме шпаги и перевязи. Пахло паленым, в распахнутое окно лезли темные ветки и холод. Вечерело, а может, было темно в глазах.

– Закройте окно, – распорядился генерал и понял, что никакой зимы нет и завтра дрикссы опять полезут. Или не завтра – их все-таки порядочно отделали...

Над кроватью нависла до невозможности сосредоточенная рожа, в которой Ариго узнал штабного лекаря. За рожей виднелись ухо, щека и плечо с полковничьей перевязью. Ну, хоть что-то!

– Берк, – спросил Жермон спрятавшегося подчиненного, – Ансел убрался?

– Мой генерал! – Берк сунулся к кровати, но был оттеснен, вернее, отброшен докторским задом.

– Мой генерал, – обрадовал врач, – вас морозит из-за кровопотери. Я ушил рану, но нужно лежать. Десять дней, не меньше. Двигаться нельзя ни в коем случае, а нога должна

быть поднята хотя бы на высоту подушки, иначе я ни за что не ручаюсь.

– А с подушкой ручаетесь?

Почему у врачей при исполнении такие мерзкие голоса? Пока ты здоров, люди как люди, а угодишь к ним в лапы – хоть кусайся!

– Кость не задета, – ушел от ответа врач. – Если не начнется заражение, дней через десять вы сможете вставать, а через месяц будете полностью на ногах.

Ответ Жермон оценил по достоинству. Коновал не солгал ни единым словом – костей в животе еще ни у кого не находили, а без заражения он бы и в самом деле встал. Только раны в брюхо без заражения не обходятся.

– Первую неделю боли будут очень сильны, – пустился во все тяжкие лекарь, – потом наступит облегчение, но хромота все-таки возможна.

– Вы настаиваете на том, что я ранен в бедро?

– Разумеется, – все так же умело огрызнулся врун. – Я еще не ослеп, и генерал Ансел тоже.

– Где он, раздери его кошки?!

– Повел корпус на соединение с маршалом Запада. Вы хотите отменить отданный приказ?

– Я хочу видеть рану.

– Это невозможно. Я не позволю вам ее тревожить! Это чревато повторным кровотечением с самым печальным исходом.

Девять из десяти, что врет, но позволить себе печальный исход раньше времени Ариго не мог. Генерал прикрыл глаза, вслушиваясь в боль. Сильнее всего болело в паху, но в живот тоже отдавало, а вот якобы простреленное бедро вело себя смирно. Все было очевидно, но многолетняя привычка велела проверить и только тогда решать. То есть он уже все решил, но вдруг врач с Анселом не врут? Тогда можно уснуть, утонуть в теплой щенячьей слабости, забыть до утра про Ансела, Бруно, обоз, найденные Бавааром пушки...

– Идемте, он задремал.

– Нет, господа... Я никого не отпускал. – Если они врут, а они врут, времени на сон нет. Нужно успеть... Успеть написать главные письма, то есть продиктовать.

– Вам нужен покой.

– Мне нужен полковник Придд.

– Но...

– Позовите полковника Придда... и убирайтесь к кошкам!

– Мой генерал!

– Не нравятся кошки, отправляйтесь... к ежу!

– Побудьте с ним, доктор. Я найду Придда.

– Если не ошибаюсь, я видел его у дверей.

Отчего-то Жермон улыбнулся. Врач удивленно поднял брови, и генерал улыбнулся снова. Несмотря на дергающую боль, вернее, ей назло. Ариго не помнил, приказал он Валентину уходить или все-таки нет, но мальчишка-недооxygen сделал по-своему, и подышать стало не так одиноко. Когда

все кончится, Придда надо отправить к Райнштайнеру, а когда кончится еще и война – к Катарине. Пусть расскажет, как она осталась совсем без братьев.

– Мой генерал!

– Вы уверены, что я позволил вам болтаться здесь?

– Я понял вас именно таким образом. Генерал Ансел с моими выводами согласился.

Правильно он понял, хотя и врет в глаза. Бывают же такие!

– Берк, вы свободны... И заберите своего... коновала.

– Но...

– Когда он понадобится... его позовут... Валентин... закройте дверь.

– Слушаюсь.

Уходят. А что им остается? Придд в самом деле находка для любого генерала, но держать такого в Торке... То же, что возить пушки на морисках.

– Садитесь. Так, чтобы я мог вас видеть... Ансел ушел вовремя?

– Авангард выступил ровно в пять. Основные силы покинули форт тоже достаточно быстро.

– В авангарде пошел Гирке?

– Да.

Мы никогда не скажем о своих людях и своих заслугах. Гордость у нас такая – делать и молчать... И извинений чужих нам не надо, нам вообще ничего не надо! Тьфу!

– Вы прекрасно умеете врать... Вернее, повернуть дело

так... что другие... соврут себе сами... Но мне от вас нужна правда.

– Сударь, я не врач. – Опять понял. Закатные твари, он так со всеми или только с умирающим начальством?

– Живот от ноги вы отличите, вот и проверьте! Я должен знать, что делать... В форте две тысячи человек. Если вас окружат и загонят за стены, уйти уже никто не сможет... Но если я вас выгоню, а на том берегу... и впрямь крупные силы... Дриксы двинутся на тот же Мариенбург... Закатные твари... Тут и здоровому трудно все оценить, а уж мне...

– Мой генерал, врач уверен...

– Я ему не верю. Я верю вам. У вас на шее тоже болтался полк... Со всеми хвостами... Остальное в счет не шло...

– Сударь, вы ошибаетесь. Я не мог оставить без помощи человека, спасшего моего брата. К счастью для меня, обе мои цели совпали. Я прошу вас закрыть глаза. Я скажу как есть. Даю слово.

– Хорошо.

Пусть смотрит, хотя чего уж тут смотреть? Пах и живот, а нога ни при чем, ее словно бы и нет... Вообще нет... Первое письмо будет Рудольфу... Он ведь так старика и не поблагодарил, как-то не получилось; теперь становится поздно, а слов все равно нет. Разве что попросить Валентина... Его подделка подделкой не будет... Если рассказать, как было, Придд напишет, как нужно, а Ойгену можно вообще не писать, просто передать на словах...

– Сударь, вы в самом деле ранены в бедро. В этом нет никаких сомнений. Врач не только не солгал, но и не ошибся со сроками. У меня была сходная рана, хоть и нанесенная холодным оружием. Я поднялся на восьмой день.

Жермон поверил. Сразу и до конца.

2

– Почему, когда ожидаешь дурного и оно сбывается, все равно удивляешься?

– Не знаю, – признался Эпинэ, – а что случилось?

– Мориски разрушили Агарис, – отрешенно произнесла Катари. – Все как и болтали обозники. Они не ошибались, Валмон прислал гонца. Старый граф сейчас в Савиньяке. Ты ведь жил там...

– Нет... – начал Иноходец и понял, что сестра говорит про Агарис.

– Я имела в виду Святой город, – поправилась Катари. – Я очень любила гравюры Казавари, у меня была книжка... Она давно пропала, а гравюры до сих пор перед глазами. Всю ночь перед глазами – храмы, дома, гавань с кораблями, рынок... Ничего этого больше нет. Ну почему ты сразу не поехал в Савиньяк?! Конечно, ты хотел побыть дома, отдохнуть, но мы... мы не можем отдыхать.

– Не «мы», а мы. Регентский совет, или как ты нас назвала? А вот тебе как раз нужен отдых. Ты слишком рано под-

нялась.

– Я лягу. Приму графа Глауберозе и сразу лягу... Я все понимаю, но с дриксенцем лучше говорить мне. Граф не только дипломат, он еще и рыцарь. Представляешь, Глауберозе встал передо мной на суде.

– Я видел. – У сестры перед глазами гравюры, а он помнит торговку лимонами... Бедняга орет под окном, а Робер Эпинэ злится. Бессильно, глупо, так он не злился даже в детстве. – А вот я сидел, как последняя свинья!..

– Прекрати! Я...

Женщина замолчала, словно подавившись словами, и торопливо поднесла к губам палец. Сейчас кто-то войдет, так и есть!

– Ваше величество, – возвестила девица Дрюс-Карлион, – граф Глауберозе в Парадной приемной.

– Зовите. – Катари осторожно опустилась в кресло и расправила черную шаль. – Робер, письмо в будуаре... Нет, ты уже не успеешь; я попробую сама объяснить. Что смогу.

Эпинэ отошел к окну и зевнул. Шадди Капуль-Гизайлей был не хуже шадди Левия, но изящной чашечки давно уже не хватало. Потому он так плохо и соображал, да и чувства куда-то делись. Сожженный город – это ужасно. Наверное, ужасно, но ужаса Робер не ощущал, ужас остался в долине Биры. Торчащие из-под валуна женские ноги и блестящая в грязи цепь. Эту цепь Иноходец запомнил навеки, а вообразить разграбленный Агарис отчего-то не мог, хотя Святой

город сжигали и раньше. Ментор показывал им с Мишелем гравюры того же Казавари, правда, художник был на стороне Рамиро Второго... Давали ли Катари *эту* книгу?

– Ваше величество, – вошедший дриксенец сдержанно поклонился, – я счастлив видеть вас в добром здравии.

– Мы благодарны. – Катари говорила почти спокойно, но полностью владеть своими чувствами она так и не выучилась. И не надо. Пара недель, и для девочки все кончится. Хотя бы для нее.

– Граф, при нашей беседе присутствует мой кузен. Герцог Эпинэ военный, а не дипломат. Мы думаем, так будет спокойнее...

– Спокойнее? – переспросил дриксенец. – Ваше величество имеет в виду то, что наши державы оказались в состоянии войны прежде, чем об этом было должным образом объявлено? Я весьма огорчен обоими обстоятельствами. Дриксенскую сторону в какой-то мере извиняют лишь события в Талиге. Мой кесарь по не зависящим от Дриксен причинам не мог объявить о своих намерениях его величеству Фердинанду и герцогу Алва. Если мне или моему доверенному курьеру будет разрешен проезд по землям талигойской короны, необходимые бумаги окажутся в Оллари в самое ближайшее время.

– Это не имеет смысла, – Катари вздохнула и чуть заметно покачала головой, – дважды не имеет. Война между нашими странами бессмысленна. Она с перерывами длится века

и ничего не приносит, кроме смертей и орденов, хотя вам, мужчинам, второе важнее первого... Простите, мне все труднее чувствовать себя королевой. Я – женщина, которая скоро подарит миру новую жизнь. Я не хочу крови... Я рада, что письмо с объявлением войны прочтет новый регент. Надеюсь, герцог Алва сделает так, чтобы... до конца года все закончилось, а я... Мы предоставим сопровождение вашему посланнику вплоть до Хексберг, где он получит корабль, но мы пригласили вас по другому делу.

Мы получили известия от Проземперадора Юга графа Валмона. К нашему сожалению, слухи о падении Агариса подтвердились. Город полностью уничтожен. Граф, я эсператистка, как и вы... Я молилась, я надеялась, но Создатель послал нам... новое испытание. Его высокопреосвященство Левий предчувствовал беду, он видел Агарис совсем недавно... Конклав не должен ставить... не должен *был* ставить земное выше горнего, но уже ничего не исправить. Я... Мы считаем своим долгом известить о случившемся наших собратьев во Ожидании и выражаем свое сожаление...

Закончить Катари не смогла. Она замерла в кресле, теребя кисти шали и кусая губы. Королева... Девочка, которую нарядили в тяжелое платье и бросили.

– Могу я узнать подробности? – прервал молчание Глауберозе. – Известны ли дальнейшие намерения морисков?

– Робер... Маршал Эпинэ сообщит вам подробности позднее. Мы надеемся, что наш Первый маршал... Рокэ Ал-

ва сможет убедить... своих родичей и союзников покинуть Золотые земли. Сейчас же... Вероятность того, что мориски обратят свой гнев на Гайифу и другие страны, поддерживавшие притязания покойного узурпатора, очень велика. Граф Рафиано бессилен их остановить.

– Ваше величество, я понимаю, что выбрал не лучшее время для подобных заверений, но я считал и считаю признание прав Альдо Ракана роковой ошибкой. Равно как и нападение на Хексберг без объявления войны. Я старался донести свое мнение до Эйнрехта, но не был услышан. Надеюсь, что новое ужасное известие послужит благой цели. Дриксен и Талиг решат, кому владеть Марагоной и Гельбе, без посторонней помощи. Я особо признателен вам за личную аудиенцию, ведь Посольская палата, если я правильно понял господина вице-экстерриора, узнаёт о гибели Агариса лишь в шесть часов пополудни.

– Мы всего лишь вернули долг, граф. Ваша поддержка в Ружском дворце... Я... Я тогда была никем, а вы были готовы меня защищать. Как мужчина и дворянин...

– Ваше величество!

– В тот день я была всего лишь госпожой Оллар. Так меня называли, так решил ваш кесарь, и все-таки вы встали. Мне казалось, я ничего не вижу, но я запомнила... Лица, слова, жесты, все дурное и все хорошее. Последнего было мало, но я тем более благодарна. Сейчас я вам в этом призналась. Мой брат меня не осудит, он тоже помнит. Ты ведь помнишь?

– Конечно.

– Мы вынуждены быть врагами Дриксен, но *вам* мы не враги.

– Ваше величество, у меня нет слов, чтобы выразить мои чувства.

– Слова не нужны, когда есть поступки... К сожалению, я устала и вынуждена вас оставить. Если вы немного подождете, маршал Эпинэ передаст вам военные подробности, я все равно в них не понимаю ничего. Робер, проводи меня.

Надо было проводить не ее, а дриксенца, вернее, выпроводить и позвать врача, но Робер повел повисшую у него на руке женщину к дверце в будуар. Глауберозе застыл посредине кабинета, согнувшись в поклоне. Враг, который не должен быть врагом, – как же это дико...

Ручка – глупый хрустальный шар в птичьей лапе – послушно провалилась вниз, плеча коснулся алый, расшитый леопардами бархат. Кабинет регента Талига все же избавили от Зверей и ласточек, но будуар остался розовым и тошным. Траур Катари делал золоченую пошлость особенно непереносимой.

– Позвать брата Анджело?

– Зачем? – Сестра бросила на столик диадему и присела на кушетку. – Когда я носила Карла, мне было хуже. Я устала, но не больна... Я верю, верю, что он отговаривал своего кесаря.

– Разумеется. Глауберозе не Хогберд, хотя ты же этого бобра не знаешь...

– Знаю. – Катари прижала пальцы к вискам и поморщилась. – Наверное, ты прав. Мне нужен врач, но только он... В свитской Дженнифер, я не хочу ее видеть. А ты возьми письмо Валмона, оно у зеркала, и прочитай. Там слишком много подробностей, я их плохо поняла... Только то, что сами мориски не уйдут.

3

Заглянувшее в окно солнце недвусмысленно намекало, что уже хорошо за полдень. Намек подтверждал и знакомый грохот: дриксы пообедали и с новыми силами принялись долбить форт, ну и пусть их!

Жермон зевнул и приподнялся на локте, борясь с желанием послать все к кошкам и снова уснуть. Сонная пакость, которую он потребовал, поверив, что Закат откладывается, оказалась забористой, чем обещал врач, хотя тот мог и наврать. То ли из любви к искусству, то ли в отместку за недоверие. Жермон непонятно зачем подкрутил усы и потянулся; наказание последовало незамедлительно – приглушенная сонным зельем боль ожила, отшвырнув последние клочья сна. Нога больше не притворялась непричастной – волны боли катались по внутренней стороне бедра, захлестывая голень. Хотелось даже не кричать – визжать, но гадать, почему несмертельные раны болят сильнее смертельных, Жермон не стал. Он и так пробездельничал больше, чем собирался. Ведь

просил же, чтоб до утра...

Поняв, что закипает, генерал сосредоточился на канонаде, пытаясь прикинуть число орудий. Сработало – злость поджала хвост, а пушки... Пушек было столько, сколько и раньше, старые вернули на место, новых не поставили, хотя за день хорошую батарею не соорудишь. Разобравшись с обстрелом, Ариго попытался на волосок подвинуть ногу и едва не завопил. Понятно, будем лежать смиренно и командовать. В то, что его оставили одного, Жермон не верил. Он даже знал, где засел лекарь, – на сундуке у обеденного стола.

– Эй, – негромко окликнул генерал.

Послышалось шуршание; над спинкой кровати возникла исполненная значимости физиономия.

– Я собирался проснуться на рассвете, – напомнил больной.

– Вы потеряли много крови. Вам требовался отдых.

– То есть вы не ошиблись со снадобьем? – сухо уточнил генерал.

– Тело человека во многом непредсказуемо. – Нет, это не человек, это уж, к тому же намасленный! – Вы проснулись тогда, когда...

– Вы мне сейчас нужны? Если да – займитесь делом, нет – вызовите Берка. Занят – Рёдера.

– Я не считаю необходимым тревожить рану раньше вечера. Вам следует побольше пить, в частности...

– Вы уже говорили. Вызовите Берка и отправляйтесь к

другим раненым. Раньше вечера я вас принимать не намерен.

– Перенапряжение может вызвать жар.

– Я знаю.

Врач убрался. Жермон взял себя за запястье, нащупал пульс, ничего не понял и потянулся за питьем. Рана сразу же напомнила о себе дергающей болью, Ариго ругнулся, но кружку все-таки ухватил. Три дня до Заката – так мало, полторы недели в постели – так много, особенно с дриксами за рекой.

Скрипнуло. Кто-то явился. Берк.

– Докладывайте.

– Но... стóбит ли? В форте ничего нового. Все в порядке. Вам надо отдыхать...

– Фортом командую я. Я, а не коновалы! Докладывайте.

– Слушаюсь. Мой генерал, пехота готова выдвинуться к месту переправы, едва таковая наметится. Рёдер занимается поддержанием укреплений в должном виде, но это становится делать все трудней: дриксы вернули пушки на место. Кавалерия мелкими группами патрулирует берег. Перед уходом Ансела мы решили, что часть солдат и несколько офицеров должны поменяться мундирами с уходящими. Теперь создаем видимость, что количество полков не изменилось.

– А «гуси»?

– Леворукий их знает... То ли осмысливают вчерашнюю неудачу, то ли что-то готовят. Переправляться пока вроде не

собираются. Обстрел возобновили в урочное время, стреляют хорошо, но за ними это и раньше водилось. Выше батареи поят лошадей, за лесом жгут костры. Больше с нашего берега не увидеть. Ночная разведка прояснила мало...

– Ночная? – Молодцы, зря времени не теряли! – Кто переправлялся? Когда? Что удалось увидеть?

– Почти ничего. – Показалось или мнется? Закатные твари, после этой дурацкой пули всюду чудятся вруны!

– Кто ходил за реку?

– Капрал Кроунер и... полковник Придд.

Так! Не только вруны, но и авантюристы. Хоть сейчас в Варасту.

– Надо полагать, полковник Придд подался в адуаны с вашего разрешения?

– Мой генерал, обороной командуете вы. Вам подчиняюсь как я, так и Рёдер и Придд. Мы в равных чинах и в равном положении. Полковник договаривался с Бавааром, но он был прав.

– В чем, раздери его кошки?!

– Мы все сочли необходимым уточнить известия о пушках. Мой генерал, малая численность оставшихся у переправы войск... Мы не можем сидеть с завязанными глазами. Баваар согласился, что нужно смотреть, но его люди валились с ног... Двое суток непрерывного рейда, сами понимаете!.. Кроунер отдохнул, решили, что он и пойдет.

– Ясно.

Обормот явочным порядком назначил себя напарником Кроунера. Воспользовался тем, что генерал накачался снотворным, а Берк с Рёдером ему не начальники, и назначил. Баваар, тот пришел в восторг, обнаружив родственную душу, а вот малыш Арно нарвался. Хорошо так, основательно...

– Где этот адуан? За рекой?

– Нет, на том берегу остался Кроунер. Придд под утро вернулся. Он сообщил, что...

– Давайте его сюда.

Если он понимает хоть что-то, обормот опять под дверь. За Хербсте ему понадобилось! У Баваара люди устали? Ну так и шел бы сам! Когда солдат падает, офицеру положено шагать.

– Мой генерал.

Стоит. По стойке смирно. Смотрит. Ждет выговора и ни кошки не боится. Подумаешь, раненый начальник выругает, зато мы по-своему повернули. И будем поворачивать. Что с нами в осажденном форте сделаешь, а после... После ругать станет глупо, после – только к ордену, но об орденах Придд не думает. Кто угодно, но не он.

– Кто вам позволил нарушить приказ? – начал Жермон, понимая, что тратит время на бессмысленный ритуал. – Отвечайте.

– Мой генерал, – изволил ответить Придд, – я действовал в строгом соответствии с моими обязанностями.

– Вам, то есть не вам лично, а всем офицерам, было за-

прещено лезть не в свое дело!

– Мой генерал, если мне не изменяет память, приказ за-
прещает офицерам лично заниматься тем, что могут выпол-
нить подчиненные. Вчера в моем распоряжении не было ни-
кого, кто мог сопровождать капрала Кроунера. Тем не менее
я сожалею, что вызвал ваше неудовольствие в сложившихся
обстоятельствах.

Сожалеет он! Как тот лис о сожранном петухе. До первой
курицы. Жермон с трудом подавил неуместную усмешку и
с еще большим трудом не выругался – стопу, которую он и
не думал двигать, свело так, словно он сиганул в ледяную
Хербсте.

– Вот ведь дрянь! – неожиданно пожаловался Ариго. –
Хоть двигайся, хоть не двигайся, как шилом...

– Вы давно пили вино? – деловито осведомился Придд.

– Вчера.

Попытка сделать выговор провалилась окончательно. Ва-
лентин, не дожидаясь приказа, занялся кувшином. Бранить-
ся и дальше было глупо, нога болела, дрикссы палили, а голо-
ва, хоть умри, не желала соображать.

– Налейте и себе. Хотя туда же какую-то дрянь вбухали...

– Мед и гвоздику. Я с удовольствием выпью за ваше здо-
ровье.

– Ну так пей... Как вы переправлялись?

– На лодке Кроунера. Выше форта по течению, там, где
небольшой лес. Сперва мы шли вдоль его кромки, благо ме-

сяц подсвечивал, но ничего важного не заметили. Пополнение действительно прибыло. Они разбили лагерь отдельно от других, довольно далеко от берега. Судя по кострам, если это не уловка, подошло от пяти до восьми тысяч. Именно так, как говорил Баваар. Предположить, куда они двинутся, если двинутся, я не берусь. Тяжелых пушек, о которых докладывали вчера, мы не видели, где они – непонятно, но новых батарей дрикссы не строят. Обозы стоят сосредоточенно и совсем с краю. Это можно трактовать как готовность к продолжению марша, но полной уверенности в этом нет. Именно поэтому Кроунер остался.

– Странно, что не вы.

– Мой генерал, я не разведчик.

Все-таки потрясающий наглец, а еще говорят, молодежь измельчала! Врут.

Ариго допил вино, на зубах скрипнул осадок, напомнив про ежиный обоз и зачитавшегося Бруно. У этого бреда явно был смысл.

– Если дрикссы предпримут решительную попытку перебраться через реку хотя бы в двух местах сразу, – предположил генерал, – а сил у «гусей» для этого с избытком, нам их не остановить. Придется запираяться в форте и держаться, сколько можно, а там как повезет.

Сидящий у кровати молодой полковник поставил на стол стакан. На этот раз он выпил до дна.

– Мой генерал, если основные силы Бруно перешли Херб-

сте в другом месте, удержание Печального Языка теряет бóльшую часть смысла.

– Это если перешли, – протянул Жермон, отдавая свой стакан. Тоже пустой. – Пара спокойных дней у нас есть; потом придется решать – стоим до последнего или уходим из-под самого гусяного клюва.

– Кроунер должен что-нибудь найти, – пообещал Придд.

– Будем надеяться, но вы к нему не пойдете. Понятно?

– Да, мой генерал. Разрешите принести вам обед?

В ответ Жермон лишь поморщился и велел собрать после обеда старших офицеров. Воспитывать адуанствующего герцога он больше не собирался. По крайней мере сейчас.

Глава 2
Талиг. Окрестности Тронко.
Дриксен. Фельсенбург
400 год К.С. 21-й день Весенних Волн

Прибрежную зелень назвать изумрудной уже не выходило. Варастийские травы взрослеют стремительно, а в недрах расцвета всегда зреет осень. Рано или поздно она вырывается наружу, и от жизни остается разбитая скорлупа. Всегда так, и никогда иначе.

Матильда Ракан подивилась глубинам собственных мыслей и спешила. Без посторонней помощи – в Тронко за принцессой не бродили стаи дам и прислужниц, а шпионы... Зачем шпионы, когда внук мертв, а сама она отправляется в Алат? Доживать в благополучии и даже в почете. Альберт не унижит сестру, хоть бы и блудную. Особенно если на это намекает теперь уже снова союзник.

Ее высочество, так и не ставшее величеством, шлепнула Бочку по лоснящемуся крупу, позволяя пасть, и устроилась на облюбованном еще зимой холмике, даже не озаботившись подстелить плащ. Позади была степь, над головой – небо, впереди – Рассанна и ничего хорошего, но топиться Матильда не собиралась, как и напиться. Она не взяла в рот ни капли с того самого дня... День, когда вести из Оллэрии докатились до Тронко, для принцессы навсегда остался «тем».

Тогда она и написала Альберту. Сама, без намеков и советов, понимая, что смерть стала для Альдо почти достой-

ным выходом. Обалдуй так и не изведал поражений и предательств, его не посадили в Багерлее, не выволокли на суд, не вздернули вверх ногами, а за что – было... Даже если не знать про дорожку от Мупы к Удо.

В соседних кустиках запыхтело и зашуршало. Женщина обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть выходящую из-под защиты колючих веток процессию. Первым топало коротконогое создание размером с легавую, но сплошь заросшее иглами и жесткой бежеватой щетиной. От неприлично разросшегося ежа существо отличалось огромными стоячими ушами и крысиным хвостом, в который вцепился беленький детеныш. Первый из выводка. Ушастики, держа друг дружку за хвостики, чинно семенили за мамашей. Одиннадцать штук. Куда ей столько?

Зверинец вперевалку уходил в степь. Лет двадцать назад Матильда не утерпела бы и утащила одного из малышей. Внуку. Вернее, себе – Альдо никогда не был охоч до живности. Белоголовый улыбчивый мальчишка не переносил одиночества и не терпел, когда о его присутствии забывали; это казалось таким милым, а он привык... Привык быть центром мироздания, привык, что его прихоть важнее бабкиных дел, и еще Альдо не мог спокойно сидеть на месте и не умел отступать. Тут внук удался в алатскую родню. Все Мекчеи, даже Альберт, станут барахтаться до последнего.

Всхрапнул и запрядал ушами Бочка. До ежового выводка рысак не снизошел, а тут вытянул шею, ловя ноздрями полу-

дохлый ветерок. Приближался кто-то достойный лошадиного внимания, и Матильда поднялась, за какими-то кошками вытащив пистолет. Отменный – Дьегаррон других не держал.

Кэналлиец из кожи вон лез, обихаживая осиротевшую старуху, пока не выступил на помощь союзным козопасам. Как был, с больной полуседой головой и грустными глазами. Провожать армию Матильда не пошла – в Тронко хватало баб помоложе. Женщина сидела дома, когда адъютант Дьегаррона притащил ларец с коротким письмом и морисскими пистолетами. Очень простыми, без насечек и золота, но безупречными. Если б только гостья могла радоваться...

Бочка опять хрюкнул, вполне себе дружелюбно. Из-за пригорка показалась белоносая конская голова, а затем и весь всадник, толстый и черный. Твою кавалерию, только Бонифация тут не хватало!

Женщина выразительно отвернулась к реке, понимая, что надутый вид епископа не остановит. Врачи болтают, что обжорство и пьянство до добра не доведут, но Бонифаций здоров как бык, а Адриан – мертв, хотя Эсперадор тоже пил. Особенно в последние годы.

– Стало быть, собралась? – Не дожидаясь приглашения, туша плюхнулась на травку рядом с принцессой. – Зря. Дорбги все равно не будет. Нет пути для впавших в уныние и пьющих горе свое аки вино.

– Ваше преосвященство, – ради Дугласа и Дьегаррона Матильда старалась вести себя августейше, – я думала, вы уже

воюете.

– Блаженны мужи воюющие, ибо спасены будут. Вестимо, если воюют за что нужно и непотребств свыше допустимого не творят. Иная участь уготована пастырям – война войной, а души заблудшие спасай. . . Маршал говорит, совсем ты плоха, вот и вернулся я долг свой исполнить и тебя у Врага из пасти слюнявой выхватить. Ибо не по рылу.

Это Дьегаррон совсем плох, если думает, что ей поможет пьяный хряк, но все равно спасибо. . . И за это, и за пистолеты.

– Я – эсператистка. Вам тут делать нечего.

– А благословить? Хотя чего тебя, такую, благословлять? Создателю постные морды отвратны. Куда витязя своего дела, неразумная? Прогнала?

– Прогнала, – кратко подтвердила Матильда.

Не объяснять же, что выносить радость Лаци она не могла. Нет, доезжачий, узнав про Альдо, не пустился в пляс, он даже помрачнел, но жалел не умершего, а свою гицу. И ждал, что та поплачет, налакается и потащит дружка в постель. Не дождался.

– Вижу, впала ты в грех трезвости и воздержания, – свел брови Бонифаций. – Порицаю.

– Чего? – Матильда воззрилась на бражника с неподдельным удивлением.

До сего дня она не сомневалась, что олларрианство всего лишь испохабленный эсператизм. О том же, что Создателю

противны плотские утехи, алатка помнила с детства. Собственно, из-за этого она и не раскусила вовремя Адриана.

– Чего смолкла, неразумная? Да ты сама посуди – для чего нам, к примеру, рот даден? Чтобы вкушали мы хлеб наш насущный каждый день и возносили за то хвалу Создателю. От сердца и нелицемерно. А станешь ли ты хвалу возносить за горелое да черствое? Не станешь. Уста ко лжи принудить можно, только Он в сердцах читает и не сыщет там ни хвалы, ни благодарности. Стало быть, есть надо вкусно, тогда и хвала искренней будет, и возрадуется Он.

То же и с иными потребностями. Будь зов плоти отвратен Ему, уподобил бы Он при сотворении людей рыбам, что, не касаясь друг друга, икру да молоки мечут. А ты своего молодца, да в тычки! И хоть бы виноват был, так ведь нет, от обиды на судьбу, а то есть грех величайший. Самоубийц в Рассвет не пускают, но горем своим упившийся и в аскезу через то впавший немногим лучше. Уразумела?

Матильда пожала плечами, глядя на серебрящуюся Рассанну. Спорить было глупо, стрелять – тем более, оставалось переждать олларрианскую болтовню, как пережидают дождь.

– Плечи у тебя хороши, – раздалось за спиной, – и что пониже не хуже, а вот с головой – конфуз. Что дальше-то делать наладилась? Пить бросила, дружка шуганула... Так и засядешь в Сакаци кучей? Носом шмыгать да Создателя гневить?

– Мое дело! – Хряк не отцепится и не уйдет, значит, уй-

дет она. Все равно надо собираться, а с Рассанной они еще простятся.

– Твое дело, говоришь? А грехи кто за тебя искупать станет? Наворотила ты – надо бы больше, ан некуда! Родню подвела, с еретиками и поганцами спозналась, беду в своем доме вырастила да другим подбросила – нате, ешьте, а сама сперва в кусты, потом – в печали. Сидеть тебе за такое в комарином болоте по уши, если искупить не поспеешь. Только не дурью всякой, не лбом об пол, задом кверху...

– Хватит, твою кавалерию! – рявкнула принцесса, поднимая пистолет. – Как жила, так и сдохну... Чем к моим грехам цепляться, свои бы искупал!

– А я что делаю? – хмыкнул епископ. – Сижу тут с тобой и искупаю. Что по молодости натворил, за то, спасибо доброду человеку, при Дараме худо-бедно расплатился. Поможет Создатель – и за несотворенное рассчитаюсь, и за злобу на того, кто за шкурку гордеца ухватил и от мерзости превеликой оттащил. Ты же – долг мой пастырский. Так не дам я тебе душу вместе с телом сгноить, даже если кусаться станешь! В Алат она собралась... Да кому ты там нужна, кроме доезжачего своего?

– Никому. – Слушать то, что и так ясно, становилось невозможным. – Но ты мне еще больше не нужен.

– Экая брыкливая. – Бонифаций и не думал смотреть на вороненое дуло. – А покуда ты брыкаешься да задом бьешь, война идет, и нешуточная. Она б и так началась – время при-

шло, но без Альдо твоего многих пакостей не случилось бы. Ты сему нечестивцу – бабка.

– Да, – удивляясь собственному спокойствию, признала Матильда, – я – бабка Альдо Ракана, а ты – наш враг. Пошел вон.

Олларианец зевнул и почесал нос.

– Убрала бы ты, дочь моя, пистолет, – изрек он. – Рука занемет.

2

Мамины глаза лучились нежностью и лукавством. Такой она бывала, когда приносила подарки, радовавшие ее больше тех, кому они предназначались. Боясь спугнуть эту радость, маленький Руппи мужественно жевал противный инжир, а выросши, носил шитые серебром камзолы и усыпанные бриллиантками кинжалы, годившиеся разве что для разделки персиков. Спасла бабушка, объявившая, что брат кесаря² должен быть воином и моряком, а не карамельным принцем. Руперт избавился от ненавистных блесток, но по-

² Кесария Дриксен в ее нынешнем виде была образована в 76 году текущего Круга Скал из семнадцати баронств и трех герцогств – Зильбершванфлоссе, Штарквинд и Фельсенбург, правителями которых были потомки последнего из варитских королей, легендарного Торстена. Кесарем был избран наследник Зильбершванфлоссе, но Штарквинды и Фельсенбурги получили ряд привилегий. В частности, главы фамилий стали именоваться братьями кесаря, в то время как кровные братья правящего кесаря именовались «младшими братьями государя».

катившиеся по маминым щекам слезы не забыл, даже окунувшись с головой во флотскую жизнь. То есть, конечно, забыл, но стоило очутиться в Фельсенбурге, и воспоминания вернулись, а с ними – страх огорчить или напугать. Зато все чаще вскипающее раздражение было чем-то новым и не сказать чтобы приятным.

– Тебе пишут, милый. Угадай, кто?

Не Олаф, иначе б она не улыбалась. Мама не любит Ледяного и боится, хоть и не так сильно, как едва не укравшего отца Бруно. Обрадовавшие ее письма не придут ни с моря, ни с границы, ни тем более из Талига, да Арно и не станет писать в Дриксен. А Бешеный... Бешеный вообще писать не будет. Никому.

– Ну? Угадал? – Ямочки на щеках, солнечные локоны, а в них – синие соловьиные колокольчики. Уже расцвели...

– Нет, мама, не угадал. – Кто-то из родственников. Из тех, кто не выманит драгоценного сына из замка.

– Не отдам, пока не подумаешь. Ну же! – Мама нетерпеливо топнула белой туфелькой. Вокруг белокурой головки вспыхнул солнечный ореол. – Ох, иволга! Чудо какое...

– К нам кто-то приезжает? – вмешалась Агата. – Папа? Когда?!

– Ох... Не знаю, милая... Наш славный рыцарь занят, но мы его скоро увидим, и не только его. Мы все будем вместе в это лето, как и положено любящим сердцам.

– А как же?.. – Сестра даже отложила шитье. – Бабушка

обещала нас взять в Эйнрехт! Она... она передумала?

– Мамочка Элиза очень занята, но, милые, разве вам плохо среди наших роц? Тем более к вам вернулся братик. Неужели вы готовы его покинуть?

Девчонки покраснели и потупились. Им отчаянно хотелось в столицу, особенно глядя на платье Гудрун, а поездка все откладывалась. Из-за нагрянувшего братика.

Бабушка велела ждать, и Руперт был с ней согласен – он появится в Эйнрехте в день суда, чтоб ни одна ворона не каркнула, что Олаф повлиял на показания Фельсенбурга. Любопытно, можно ли в подобном обвинить Гудрун, хотя это не по-рыцарски, да принцесса больше ни на чем и не настаивает. То ли поняла, что Руперт не станет врать, то ли избегает заводить разговор при свидетелях, хотя кто-кто, а дочь кесаря может настоять на приватной беседе.

– Госпожа, – садовник Клаус с благоговением смотрел на свою герцогиню, – что прикажете срезать для ваз в столовой: тюльпаны или ранние ирисы?

– Ирисы... Конечно же, ирисы! «Снежный сон» и, наверное, «Танец»... Или он еще не расцвел?

– Не вполне, госпожа.

– Я сейчас посмотрю... Руппи, ты так и не угадал?

– Нет, мама.

– Ленивец! Тебе пишут твои кузены Людвиг и Ларс. Обязательно им ответь, мальчики так тобой восхищаются... И порисуй перед обедом с Михаэлем! Я пришлю моим маль-

чикам краски.

– Конечно, мама.

– Я вернусь и проверю.

Нежный поцелуй, шорох платья, прощальный взмах руки... Сколько чувств! Можно подумать, они расстаются на год. Иногда это трогает, иногда бесит. Как сейчас.

– Почему ты не читаешь письмо? – напомнила Агата.

– Да, – спохватилась Дебора, – почему? Что там, в Штарквинде?

– Прочту в библиотеке, – нашелся Руппи, – сразу и отвечу.

– А...

– А вам все знать не обязательно.

3

Будь Матильда в себе уверена, она бы отстрелила олларианцу клочок волос, но хряк мог дернуться, а рука – дрогнуть. Пришлось с достоинством убрать подарок Дьегаррона и взгромоздиться на Бочку, покинув гостеприимный холмик. Бонифаций не отцепился. В седле скот держался уверенно, а перейти на галоп Матильда не рискнула. Епископ мог и отстать, а что стала бы делать она в степи? Ждать, когда по следу собак пустят? Это в горах неповторимы каждый камень и каждая елка, а тут какие приметы, кроме облаков?

Бочка заинтересовался одиноким кустом, и Матильда ослабила поводья: пусть лопает, не жалко. Епископ продол-

жал басовито зудеть, стань поганец полосатым, сошел бы за шмеля.

– Что должны святые и праведные? – Пьяница воздел к небу палец, внезапно напомнив дядьку Антала из Сакаци.

– Жить в праведности, – огрызнулась принцесса, – чего и вам желаю.

– Тебя послушать, так дело святых – небо коптить и людей нудить, пока к праотцам не отправятся. Мученически. Святые, дочь моя, рознятся, как зерна и плевелы. У эсператистов святость недеянию равна и небокопчению, потому как иначе выходит, что святость ценна тем, что дает людям. А еретики агарисские хотят, чтобы наоборот.

– Хотели, пока мориски не явились, и то не все! – Адриан точно не хотел. То, что он порой говорил, до отвращения напоминало болтовню варастиЙца. Ну почему они с Эсператором за сорок с лишним лет так и не объяснились?!

– Если б с гибелью оплота еретиков иссякла ересь, возрадовался бы я, – проникновенно прогудело под ухом, – ан нету радости! Агарис в головешках лежит, а дурь в головах целехонька, и не морискам выбить оттуда ересь двойную, что величие – это когда людей живьем едят, а святость – когда, сложив руки, сидят. Создатель, душу да тело нам дав, чего в ответ ждет? Чтобы мы пнями бессмысленными на месте торчали да пятки ангельские нитьем щекотали? Иное Он заповедовал. Обратное. Все, что даете тем, кто нуждается в помощи, даете Мне, а кто не дает, тот грешник или грешница.

– Ну и кто в помощи моей вознуждался? – пробурчала Матильда, старательно глядя перед собой. – Падальщики?

– Падальщики нуждаются лишь в падали, – живо откликнулся оллариянец, – и в том им помощь не требуется ни твоя и ничья. Они сожрут, что смогут, и получат, что заслужили. Ты ежанов сегодня видела, они и есть ызаржачья погибель. Ты же не падаль и не ежан, но овца заблудшая, а овцы должны добрым людям пользу приносить.

– Овце без разницы, кто ее с ягнятами сожрет, добрый человек или волк.

– Без разницы, говоришь? – Бонифаций хитро сощурился. – С чего ж ты тогда от волков сбежала? И с чего в старое стойло просишься?

– Мое дело.

– Эх заладила: «Мое дело, мое дело...» Не твое! Нет у тебя никаких дел. Витязь был, так турнула сдуру, вот и молчи теперь. Ты – сестра алатского герцога и с коня не валишься, кому как не тебе свидетелем стать? Странно мне, что Дьегаррон тебе не сказал того, ну да у бедняги с головой не в порядке. Трепетный больно, а трепет маршалу не к лицу. Нужна ты ему, а он с горем твоим носится, как собака с костью. Взьется на меня, ну и ладно! Слушать неразумных что воду в касеру лить, слушаться оных – касерой полы мыть, а сие есть грех непростимый.

Епископ потянулся за флягой, раздалось знакомое бульканье. Если хряк думает, что она станет пить...

– Зачем маркизу Дьегаррону сестра герцога Алати? – ледяным тоном осведомилась принцесса. Бонифаций глотнул еще разок и завинтил крышку, даже не подумав искушать собеседницу.

– Если кто из сквернавцев гайифских завопит, что маршал Дьегаррон кагетских девственниц верховым козлам отдает, – наставительно произнес он, – засвидетельствуешь, что козлы те холощенные.

4

Увяжутся или надуются? Дебора бы увязалась, но Агата все выше задирает носик: фамильные фанаберии уже дают о себе знать. Так и есть, остались под своим деревом. Руппи махнул разобиженным девицам и взлетел на террасу. Прячась за дородными статуями, можно было бы удрать в Олений парк, но вранья по мелочам лейтенант флота не терпел – придется сесть и написать кузенам. Только что ответишь на щенячьи визги о том, как здорово быть варитом и моряком и какой Руппи счастливец, ведь он нюхал порох, слушал свист пуль и получил орден. Нюхал... И будет нюхать, только война не игрушки и не радость. Что угодно, только не радость, но этого, не теряя друзей и кораблей, не понять. Он тоже не понимал, просто хотел зажить жизнью настоящего мужчины...

– Руперт, – окликнул дядя Мартин, обозревавший Тро-

фейную галерею на предмет размещения присланного чучельником медведя, – ты разве не в саду?

– Письмо! – бросил на ходу лейтенант. – Из Штарквинда. Сразу не отвечу – вообще не соберусь. Я в библиотеке.

Дядюшка рассеянно кивнул. Все, что не касалось охоты и оружия, навевало на него тоску. Из Фельсенбурга граф Мартин выбирался лишь по необходимости – посмотреть новую свору или помочь соседу с покупкой аркебузы, а ведь когда-то был офицером, и, говорят, неплохим!

Оставив родича измерять расстояние между добытыми дедом чудовищными рогами и башкой убитого уже на памяти Руппи секача, лейтенант юркнул в библиотеку, подмигнув стоящим у входа рыцарям, обогнул витрину с рукописными книгами и едва не врезался в Гудрун, самозабвенно целовавшуюся с кем-то высоким и светловолосым.

Лейтенант торопливо отпрянул к ближайшему шкафу. Парочка ничего не заметила. Оставалось выскользнуть вон и проследить, чтобы больше никто не вошел, но любовники прервали поцелуй, и ноги Руперта приросли к полу. Надменным красавцем, с усмешкой распускающим корсаж принцессы, был не кто иной, как воюющий с бергерами Фридрих! Фельсенбург оторопело смотрел на принца, непостижимым образом оказавшегося в самом сердце Дриксен, и не верил собственным глазам, а в голове крутились слова Бюнца о том, что Фридрих с Бермессером всегда найдут, под какую юбку шмыгнуть. Они и нашли, но как Фридрих пробрался

в замок? В свите Гудрун?! Переоделся лакеем или охранником?! Где его гвардия?! Оставил тестю или... Или тайно привел назад? Зачем?!

Мысли взлетали с треском, точно фазаны, не поспевая ни друг за другом, ни за любовниками. Ошарашенный чудовищным открытием лейтенант не заметил, ни как Неистовый освободил принцессу от корсажа и жесткой юбки, ни куда девал собственную одежду. Пакостность своего положения Руппи осознал, лишь когда напоминавшая в сборчатом нижнем платье облако Гудрун опустилась на медвежий ковер, отрезая путь к выходу. Обнаженный Фридрих возвышался над принцессой и улыбался улыбкой победителя. Он так и не снял сапог и берета, а на безволосой груди гордо сверкал кесарский лебедь.

– Дева Дриксен принадлежит нам? – Самодовольства в откровенно знакомом голосе хватало на восьмерых.

– Да! – выдохнула Гудрун. – Только тебе...

– Проси о милости!

– Прошу моего господина... ошастливить мою душу и снизить до моего тела...

– Покажи себя. Что ты можешь нам дать? Покажи все!

Следовало немедленно выйти. Или закрыть глаза. Или залепить мерзавцу и дезертиру пощечину. Или позвать стражу и дезертира захватить. Надо было что-то делать, а офицер флота и наследник Фельсенбургов растерялся, хоть с невинностью распрощался еще на Северном флоте. Ему было жаль

Гудрун, ему было до слез жаль Гудрун и при этом хотелось отхлестать ее по щекам. Чтобы не унижала ни себя, ни Дриксен, ни корабли, на которых красовались ее изображения. Чтобы не смела... Не смела ползать на четвереньках перед гадиной в сапогах и глядеть снизу вверх, как глядят только собаки и... жалкие дуры! А этот!.. Прохлопал Гельбе и шмыгнул под юбку к гаунасской жене. Погубил со своими уродами Западный флот и прячется за Гудрун, потому что... Потому что это не любовь, это мерзость! И где?! Под гербами Фельсенбургов, когда разгорается война!

– Повтори: кто мы и кто – ты? – Кто он?! Бюнц бы тебе ответил... Потрох тюлений, отворотясь не проблюешься!

– Ты – мой... кесарь, я – твоя... верно... подданная... Умоляю... моего... кесаря...

Он еще и кесарь? Кесарь?! Ох, недаром Отто орал, что Фридриха нужно придавить, а нет, так выхолостить, и он, Бюнц, готов это проделать сам, хоть потом в восьми щелочках мыться придется. Потому как вони будет, как от тухлой пластиги... Отто на дне вместе со своей «Пташкой», вместе со всей командой, а этот... Этот!.. Забавляется с несчастной дурой. Решил, что ему все с рук сойдет, так ведь нет!

– Толку тебе с кесаря... У бедняги давно не только размягчение в мозгах, но и размягчение в штанах... Тебе, пташка моя, не кесарь, тебе кочет нужен!

– Ауи-и-и-и-и-и-и-и-и-ш-ш-ш-ш-ш!!!

Это был не визг, не шипение, не рычанье, но нечто несущее

шимся окном. Гудрун вскрикивает, но продолжает сидеть, солнечный луч пляшет по круглому животу, словно подушку мнет. Опять звон, опять смех, а ведь... ведь смешно! Неве- роятно, летяще смешно! Смехом и звоном, танцем и стоном, трепетом темных ресниц, сном и полетом, вешней охотой, вечным мельканием лиц... Радости блики, трели и крики с ветром играющих птиц, время цветенья, игр и видений, неж- ные тайны девиц...

– Руперт!.. Руперт, что у тебя там за простыни летают?

– Ничего, дядя Мартин... Это... сквозняк разбил окно. Я... сейчас выйду.

– А орал кто?

– Коты... Сюда забрались коты... Из кухни. И подра- лись...

Хлопают оконные рамы, кто-то тоненько хихикает, бьет в невидимые ладоши. Теперь скрипнуло... Совсем рядом, за шкафами. Послышались шаги.

– Коты? Надо же! Шварцготвотрум!..

Гудрун, заходясь криком, рванула в нишу между витри- ной с гравюрами и стеной. Вошедший дядя замер, словно на ружейной охоте, при этом умудрившись обернуться на вопль. Сощурился, открыл рот, попятился. Налетел на крес- ло. Сел, то есть плюхнулся, придавив одежду принцессы и уставившись на выпиравшие из книжного сумрака выпукло- сти. Солнечный зайчик лихо мазнул Мартина по носу, пе- репрыгнул на живот принцессы и растекся во все стороны,

выгрызая в полумраке дыру. К корабельной статуе приложили пышную подушку с пупком. Круглую. Мягкую. Нелепую. Это было так глупо, так... Руппи взвыл в голос, заходясь дуррацким, недостойным смехом. Купол света съежился, окружив пупок светлым кольцом, и сиганул назад – потрепать дядю по щеке, скатиться вниз, туда, где из-под охотничьего зада змеиным хвостом выползала синяя подвязка. Синяя змейка, белая шейка, все еще девственный зад, жалобы плоти, похоти когти, жажда весенних услад...

– Дядя! – провыл Руппи. – Дядюшка, чего вы... ждете?! Вперед! Нельзя же... нельзя так ее оставить...

Солнечное ядро налетело на Гудрун и срикошетило от тугого тела. Мартин оглушительно чихнул, заставив Руппи согнуться от хохота. Гудрун слепо ослабилась и вышла на свет, даже не пытаясь прикрыться. Она вновь была статуей, носовой фигурой, хуже того – тараном. Она шла к дяде и шептала «мой кесарь».

– Чего? – прохрипел охотник. – Я? Вы... чего?!

– Мой кесарь... – Грудной манящий зов заставил Руппи вздрогнуть, стало горячо и безумно. Гудрун больше не была жалкой, она... Она была... желанна.

Это не танец! Не твой танец... Хочешь танца? Прямо сейчас хочешь? Идем... Если хочешь – позови... Мы пойдем... выше. Там – свет, здесь – пыль... Им – здесь, они готовы... Им – без танца, так... Медленно, склизко... Как улиткам. Ты не улитка – тебе так не надо!

– Гудрун!!!

Мама. Застыла у черного шкафа. Смотрит широко раскрытыми потемневшими глазами. На Гудрун, на сына, на деверя. Обычно бледную кожу заливают румянец. Яблоневый цвет на материнских щеках, свекла – на лице и шее Гудрун. Закатные твари, она опять визжит. Как стыдно... Смертельно противно и стыдно. И за себя тоже. За то, что едва...

– Руппи, немедленно выйди. И вы, Мартин... Прочь!

Спокойный голос, тихий и холодный. Его невозможно не слышать.

– Я жду.

Так мама еще не говорила. Нет, говорила как-то раз. Не с ним – с отцом. Давно. Как раз перед Летним Изломом; отец с дядьями где-то задержались...

– Мартин. Руперт.

– Да, мама...

Он извинялся, бормотал какую-то чушь; дядюшка ожил первым и вылетел из библиотеки пушечным ядром. Гудрун ухватила наконец то, что осталось от платья, и замолчала, зато мама...

– Кузина, вы сегодня же покинете Фельсенбург. Сегодня же.

Это было последним, что услышал Руппи, прежде чем за ним захлопнули дверь.

Глава 3

Восточная Гаунау

400 год К.С. 21—22- й день Весенних Волн

1

Солдаты с руганью и проклятиями тащили через поток обозные фуры. Чуть раньше с не меньшими мучениями удалось переправить артиллерию. Ничего, Хайнрих, когда он сюда заявится со всеми своими обозами, потеряет у вообразившего себя рекой ручья не меньше времени. А если Леворукий поможет, то и больше. Именно это Лионель Савиньяк и сообщил мокрым людям, вызвав взрыв счастливого хохота. От злости до радости в армии меньше шага, если только ты эту армию не ведешь.

Северная весна была в самом разгаре, чего было трудно не заметить, но маршала волновала отнюдь не рехнувшаяся от собственного аромата черемуха. Распутица уже заканчивалась, хотя каменистые дороги Восточной Гаунау сохраняли почти пристойный вид даже в пору таяния снегов, что изрядно облегчало жизнь марширующим во все стороны армиям. Но вот переправы! Крупных рек в здешних краях име-

лось немного, а точнее – две, и пока что ни одна не оказалась на пути, но для создания трудностей хватало и мелочи. Вода не спадала, большинство бродов и переправ стали непроходимыми, а не боявшиеся паводков каменные мосты были наперечет.

– Я бы расстреливал тех, кто делает дурные карты. – Хеллинген смотрел на ручей как на личного врага. – Этот поток даже не отмечен!

– Видимо, карту чертили в конце лета, – предположил Савиньяк и сорвал подвернувшуюся веточку. – Как вы думаете, что это за кустарник? Напоминает калину...

– Я ничего не понимаю в растениях, – отрезал начальник штаба. – Разрешите вернуться к текущим делам?

– А разве вы их покидали?

Загнать армию в тупик, уткнуться в нехстати раздувшийся ручей, потерять пару дней на хождения взад-вперед в поисках лучшей дороги – вот чего боялся Хеллинген. Лионель этого боялся не меньше, но про себя. То, что разливы и неточные карты не снились маршалу ночами, объяснялось лишь тем, что он почти не спал, хоть и уходил в свою палатку в одно и то же время. Ночные часы тратились на игру, в которой Проэмперадор Севера пытался стать Хайнрихом. Это было куда трудней, чем чувствовать себя Фридрихом, но принцу пора было убираться и из рамки, и из мыслей. Ход был за Жирным – король просто не мог не поставить капкан на обнаглевших талигойцев. «Медведь» против «оленья»...

Обычных оленей выручают осмотрительность и быстрые ноги, талигойский мог еще и огрызаться.

Савиньяк лениво шевельнул поводьями, оставляя переправу, у которой мучились очередные возчики, позади, и понял, что все еще держит веточку местной калины. Дворцовая привычка ничего не бросать и ничего не оставлять на виду, хотя, кажется, он приобрел ее в Лаик. Комната, в которую могут войти без тебя, учит многому, жаль, не всех. Маршал сунул калину в петлицу и вернулся к «медведям», вернее, медвежонку, на первый взгляд казавшемуся легкой добычей.

Обретавшийся в непосредственной близости гаунасский корпус росточком не вышел. Тысяч семь. Из тех, кто уже дрался с талигойцами и к кому подогнули несколько мелких гарнизонов. Артиллерии и конницы небогато, а местность, хоть и не равнина, не из тех, где полк остановит армию. И все бы хорошо, только рядом с медвежатами обычно случаются медведицы. Жирные такие...

Несмотря на две отменные победы, Лионель делал ставку на подвижность и маневр. Маршал не собирался своими весьма ограниченными силами ввязываться в сражения, ему требовались не реестры выигранных схваток, не трофейные знамена, не капитуляция Гаунау, в конце концов. Савиньяк взялся отыграть для Рудольфа несколько месяцев, после чего убраться, по возможности сохранив армию. По возможности, только будет ли она?

Опять запахло черемухой. В такую весну, останься они в

Надоре, половина молодняка пережилась бы. Раненные у Ор-Гаролис и переженятся... Любопытно, кому достанется Селина Арамона? Жених наверняка будет счастлив и бескорыстен. И просчитается, потому что красивая бесприданница в день свадьбы превратится в богатую невесту. Самое легкое из не доведенных Алвой до ума дел...

Записать за девицей пару виноградников – не с Хайнрихом в догонялки играть. Лионель раз за разом пытался почувствовать себя властелином Гаунау, но громоздкая коричневая фигура оставалась расплывчатой, не то что Фридрих! Ну так с Фридриха и зайдем.

Лионель Савиньяк, то есть Неистовый, уже не в первый раз мчался в Липпе, увлекая за собой остатки гвардии. Принц пребывал в бешенстве. Он сам не знал, кого ненавидит сильнее – зарвавшихся фрошеров, бездарей-союзников или тупиц-подчиненных, но хуже всех были засевшие в Эйнрехте интриганы. О, эти превратят несчастливое стечение обстоятельств во вселенский провал, а дядюшка-кезарь ухватится за повод удалить племянника из армии. Готфриду и так всю зиму шипели про Хексберг, а теперь еще и это... Если немедленно не одернуть врагов и не поддержать сторонников, можно потерять больше, чем пару не столь уж и нужных сейчас побед! А тесть? А что тесть! И так ясно, что неуклюжий медведь разозлится. В другое время это пришлось бы некстати, но сейчас... Если правильно себя повести...

«Зарвавшийся фрошер» привстал в стременах, оглядывая цветущую долинку. Подмывало промять коня и развеяться самому, но приходилось себя беречь. У «медведей» мог найтись свой собственный Уилер, а схлопотать пулю Лионель не мог себе позволить самое малое до конца кампании.

2

Чарльз Давенпорт был благодарен гаунау. До определенной степени, разумеется, но благодарен. Если б не «медведи», капитан так бы и таскался за маршалом, но гаунау сделали то, чем не озаботился Фридрих. Охоту на крупного зверя начинают собаки, и по следу Савиньяка пустили конных егерей. Не сразу. Сперва плюхнувшийся во все предугаданные маршалом лужи Неистовый с треском продул приграничное сражение у города Альте-Вюнцель и исчез вместе с остатками своей гвардии.

Победа досталась талигойцам много легче, чем у Ор-Гаролис. Армия окончательно уверовала в звезду Лионеля Савиньяка, а содранная с Альте-Вюнцель контрибуция и весеннее солнышко настроили на победный лад даже Хеллингена. О будущем особенно не задумывались, как-то само собой решив, что предстоит рывок к перевалам на соединение с бергерами. Это устраивало всех, кроме прикипевшего душой к трофейным тяжелым пушкам Эрмали. Командующий артиллерией в предчувствии неизбежной разлуки грустно трогал

сработанные на совесть лафеты и с тоской смотрел в сторону Каданы. Савиньяк молчал, но шансов на возвращение с добычей по собственным следам было мало – армия явилась в Гаунау не за пушками и не за фуражом.

Когда десять дней назад Лионель выслал авангард в направлении южной границы, никто не удивился. Гадали о другом: собирается ли маршал быстро и без боя проскочить в Бергмарк или сперва саданет в спину тех, кто штурмует перевалы. Было заключено немало пари – проиграли все. К вечеру пятнадцатого дня Весенних Волн Савиньяк двинул войска в глубь Гаунау. По направлению к Липпе.

Подобной наглости от своего командующего не ожидал даже начальник штаба, чего уж говорить о «медведях», честно бросившихся на перехват талигойского авангарда. А тот, не менее честно обозначив движение на юг, два дня спустя повернул и пошел на соединение с главными силами. Восемнадцатого обе части армии встретились у города Грогге. Тут Савиньяк задержался, дожидаясь новостей. Маршал намеревался связать Хайнриху руки как можно крепче, для чего в первую очередь требовалась разведка, и отдых у Реддинга закончился раньше, чем у остальных.

По всем расчетам, гаунаские резервы из центра страны были на подходе. Савиньяк желал знать, сколько их будет, с какого направления они подойдут и под какими знаменами, и «фульгаты» не слезали с седел. «Кошачьи отродья» старались всюю, понимая, сколько от них зависит, но в здешних

краях правили бал не они. Гаунау лучше знали местность, им проще было найти проводников, и Реддингу приходилось все труднее. Сперва, когда авангард отвлек внимание на себя, разведчики Хайнриха упустили основную армию, но очень быстро пришли в себя и у Грогге вцепились в гостей намертво.

Помрачневший Реддинг доложил о потерях – четверо убито, одиннадцать ранено. Егеря отступили, но явно недалеко, их разъезды были замечены еще в нескольких местах. Маршал поднял глаза от очередной карты и спокойно, не перебивая, выслушал доклад.

– Думаю, командир егерей чем-то похож на вас, полковник, – предположил он. – Укрыться не получится. Давайте воспользуемся преимуществом в численности, благо оно пока за нами. Поднимайте всех своих. Хейл передаст вам три эскадрона драгун, и начинайте охоту на егерей. Им должно стать не до разведки. Капитан Давенпорт, передайте все дела Сэц-Алану. Вы поступаете в распоряжение полковника Реддинга с сей минуты и на неопределенное время.

Чарльз растерялся. Командующий дважды отказывал ему в переводе к Хейлу, и Давенпорт почти смирился с тем, что до конца кампании будет сверять талигойские и гаунаские карты и выяснять, в самом ли деле на гору с нелепым названием Мышиная Мельница ведет козья тропа. Савиньяк в очередной раз поступил неожиданно, что в очередной же раз взбесило, но предвкушение настоящего дела притушило

злость. Осталась досада на маршала, который вел себя, раздери его кошки, как... маршал, но вспоминал о ней Давенпорт не так уж часто – Реддинг гонял своих людей в хвост и в гриву, к тому же из-за любой горки могли выскочить всадники в коричневых мундирах и медвежьих шапках. Думать, покачиваясь в седле, о своем, как во время обычных переходов, стало невозможно.

– Капитан, – окликнул Давенпорта «фульгат», памятный Чарльзу по Ор-Гаролис, ране в голову и, как следствие, краткосрочному адъютантству, – не подскажешь? У этой кошачьей мельницы и впрямь тропа была? Или как?

– Была, – припомнил карту Давенпорт, понимая, что ему опять хочется убить предусмотрительного маршала. Когда-нибудь потом... После победы.

– Здорово! – обрадовался знакомец. – А то, понимаешь, «медведи» с места снялись. Вроде как на юг наладились... Надо бы проводить, но не по тракту же!

3

Они все казались довольными и оживленными. Все, кроме Эрмали и, пожалуй, Хейла. Привыкли к победам, но сие безоговорочно полезно лишь солдатам и капитанам, а генералы и полковники могли бы и посомневаться. Обычно это раздражает, но сейчас пришлось бы кстати: сомневаться самому среди уверенных взглядов и цветущих роц не слиш-

ком заманчиво.

– Садитесь, господа. – Савиньяк кивнул на выскобленный стол, вкопанный в землю опрятным гаунасским трактирщиком. – Сегодня нас ждет сносный обед. Мясо еще жарится, так что мы вполне успеем обменяться мнениями. О том, что вражеский корпус снялся с места, знают все. Реддинг доносит, что по всем признакам нам собрались перекрыть дорогу на юг. Итак?

– Намерения вражеского генерала очевидны, – неторопливо начал Хеллинген. – Помешать нам прорваться туда, где, судя по времени и погоде, уже начались бои. Я бы предложил немедленно двинуться следом и атаковать, пока гаунау не закрепились на нашей дороге всерьез. На картах – холмы, густые леса, дорога на десяток хорн идет между этими лесами и подножием холмов. Если быстро дойти и обрушиться всей силой, то, имея трехкратное превосходство, можно добиться решительной и, что немаловажно, быстрой победы.

– Вы думаете, генерал гаунау об этом не догадывается? – Не дожидаясь мяса, Хейл жевал хлеб, благо тот был горячим и до невозможности вкусным. – «Медведь» наверняка знает места, где сможет успешно отбиваться и при таком неравенстве сил. Здесь, конечно, не Торка с ее ущельями и перевалами, но то, что мы предполагаем по картам, противник знает наверняка. Своя земля, как-никак. Еще одна опасность – вторая армия гаунау. Должна же она подойти, в конце концов.

– Пока ее нет, – напомнил Реддинг.

Охота на егерей принесла свои плоды, чем предводитель «фульгатов» не преминул воспользоваться. Когда за каждым холмом или рощей не караулят настырные «бурые», проще добираться до расположения противника, но тот противник, что обретался в непосредственной близости, пока не впечатлял.

– Гаунау в состоянии войны, господа, а Хайнрих – человек решительный и энергичный. – Хейл редко разделял общее настроение, будь то уныние или порыв. – Теперь жди неприятных сюрпризов.

– Сейчас нас ждет сюрприз приятный. – Айхенвальд потянул носом, и тут же из-за дома появился один из пяти бергеров, взявшихся приглядывать за трактирщиком и его домочадцами. Чтобы, чего доброго, не попытались спасти отечество при помощи крысиного яда.

– Такое мясо надо есть горячим. – Главное Хейл сказал, теперь пускай займутся обедом. – Считается, что пищеварение мешает работе мозга, но я так не думаю. Мы продолжим наш разговор чуть позже, за вином. Благодаря предусмотрительности полковника Смайса оно у нас еще есть.

– У нас есть даже два бочонка тюрегвизе, – напомнил Реддинг, – хотя я предпочел бы Уилера.

– Вы встретитесь с ним на перевале, – предположил Фажетти, вытаскивая нож. – Тюрегвизе пойдет к медвежатине, а сегодня мы едим всего лишь свинину.

– В здешних краях считают, что свиньи когда-то были медведями.

– Некоторые – без сомнения.

– Я давно подозревал, что Колиньярам пора менять герб.

– Фажетти, вы как скажете...

Чужой непринужденный разговор почти не мешал, как раньше не мешало бормотание ментора. Слышать, не слушая, он тоже научился в Лаик, вернее, понял, что умеет и это. Дома до смерти отца было слишком весело, чтобы пропускать мимо ушей хоть что-то, а вот в Лаик «учили» тому, что почему-то называлось изящной словесностью и еще более почему-то – историей...

– За наши будущие успехи, господа.

– И за неуспехи наших «хозяев»!

– Нет, господа, за то, чтобы успех Хайнриха сравнялся с успехами Фридриха!

Хороший тост, то есть не тост, толчок, которого Лионелю так не хватало с самого Альте-Вюнцель, когда Неистовый перестал служить Талигу и умчался огорчать тестя. Стол под деревом, жареное мясо, жующие черно-белые соратники никуда не делись, но Лионель слышал не застольный разговор, а доклад о понесенном поражении. Втором кряду. Он был мрачен и зол, он с трудом сдерживал рычание, глядя на расфуфыренного придурка, которому за какими-то кошками отдал не худшую из дочерей, а зять сыпал множеством подробностей, маскировавших промахи и откровенную глу-

пость. Горные бараны в Торке и те умнее...

– Горные бараны в Торке и те умнее тебя! – рыкнул Хайнрих-Савиньяк. Фридрих с готовностью принял вызов и принялся расписывать леность, нерасторопность и разгильдяйство гаунасских генералов, только и думающих, что о своих личных делишках да о выпивке. Этих генералов Хайнрих знал с детства, так что верить зятю и не подумал, о чем и сообщил. Зять оскорбился и встал в позу. Хайнрих позу обрисовал не только красочно, но и язвительно. Заодно высказал сожаление, что Кримхильде связана с таким бесталанным неудачником.

Фридрих нарывался умышленно, собираясь под скандал сорваться в Эйнрехт, но тут его зацепило крепко. Принц взбесился вполне искренне. Хайнрих послал родственничка в Закат, и злющий дрикс вылетел сперва из дворца, а потом и из Липпе. Он добился, чего хотел, – отъезд в Дриксен после столь теплого разговора был само собой разумеющимся, но трясло принца долго. Как и короля, с трудом вернувшегося к тому, от чего его отвлек нагрывавший зять. Подготовка к неожиданной дополнительной кампании в собственном тылу требовала спокойствия и собранности, и Хайнрих заставил себя плюнуть на скачущего в Эйнрехт напыщенного болвана и собраться.

Его величество взялся за дело сразу же, как получил известия о вторжении. Не обольщаясь способностями Фридриха и зная о слабости войск на востоке, король не ждал быстрых

побед. Основные силы были заняты – дрались с бергерерами. Требовалось время, чтобы собрать армию и на Савиньяка. Гонцы, отправленные с приказом «в бой не лезть», опоздали по милости взявшегося исправлять ор-гаролисскую незадачу петуха. Известия о поражении у Альте-Вюнцель пришли, когда Хайнрих ждал подхода войск с севера страны. Неудачу усугубляло и то, что фрошерам досталась изрядная часть запасов, сделанных для снабжения войск на границе.

Лионель-Хайнрих едва не скрипнул зубами, сочиняя письмо соседу и союзнику. Мол, племянничек ваш оказался не так хорош, как он сам о себе думает, и наделал дел, с которыми мне придется разбираться самому. Посему никаких подкреплений я против ноймаров посылать не буду. Я теперь даже против бергереров подкреплений не выставлю. Пока не разберусь с этим нахалом-южанином и не обеспечу безопасность собственных земель, все резервы пойдут на восток, а когда разберусь, тогда и посмотрим. Сейчас же вынужден ограничиться письменным выражением неизменной дружбы и верности, и то по причине занятости последним.

Ну а в отношении его высочества принца Фридриха – могу вам, брат наш Готфрид, только посочувствовать. И лучше не доверяйте ему командования даже мусорщиками... Да, именно мусорщиками и еще толстыми прачками! Маршал Талига с удивлением посмотрел на откромсанный его же ножом кусок свинины. Кусок воистину был достоин Хайнриха... Бывает же. Лионель поискал глазами хозяина. Гаунау

стоял неподалеку, скрестив руки на объемистом животе, и смотрел на гостей. Без страха и без подобострастия.

– Любезный, – окликнул Савиньяк на дриксен, – я видел в главной зале портрет вашего короля. Я хочу его купить.

Бергерский походит на гаунау больше, но зачем дразнить людей сверх необходимого? С трактирщика хватит и временного отлучения от погребов и кухни.

– Господин, – сельская жизнь и пиво располагают к румянцу, – я могу... Могу уступить моего государя, только... если это не для колдовства... и если мой государь не будет унижен.

– Никоим образом не будет, – заверил верного подданного Лионель и улыбнулся.

Местные жители смотрели на талигойца с легкой оторопью. Вариты вопреки церковным канонам полагали Леворукое черноглазым, что было вполне объяснимо. Зеленых глаз по эту сторону Торки слишком много, чтоб их бояться. Видели б сии добрые эсператисты святого Адриана, как его рисовали при жизни!

– Сэц-Алан, принесите портрет его высочества Фридриха и велите подать еще вина.

Глава 4

Талиг. Хербсте. Печальный Язык.

Придда. Восточная Гаунау. Гроге

400 год К.С. 22-й день Весенних

Волн – 1-й день Весенних Молний

1

Под утро патрульные в плавнях спугнули собратьев Кроунера с дриксенского берега. За ними погнались, но без толку; что «гуси» заметили и заметили ли, осталось неясным. Кроунера никто не спугивал, но похвастаться особыми успехами малыш не смог. Дрикссы были настороже, близко не подпустили, но, похоже, часть обозов убралась на восток. Пушки, впрочем, палили по-прежнему.

Берк полагал, что дрикссы решили как следует подготовиться и назавтра от них надо ждать решительных действий. Полковник был готов как к схваткам на берегу, так и к обороне форта. Не терявший ни минуты Рёдер бодро заявлял, что, хотя со стороны реки укрепления сильно пострадали, стены, обращенные в другую сторону, в хорошем состоянии, и атаки с тыла до поры до времени отражать можно. При

этом оба полковника очень хотели знать, что творится на том берегу; генерал хотел этого еще больше.

День, третий день бесполезного валяния, проходил спокойно, и это откровенно бесило. Спрашивается, за какими кошками Бруно пригнал к переправе дополнительные силы, если они никак себя не проявляют?! Ну вчера – ладно. Пока прибыли, пока разместились, ознакомились с обстановкой, выпили со старожилками, наконец... Но сегодня-то можно и вперед, в атаку, ан нет. Двадцать пять тысяч человек второй день толкутся на том берегу без дела. Ерунда какая-то!

Генерал рывкнул на лекаря, потом честно проглотил какое-то зелье. Не снотворное, за снотворное он бы убил, и коновал это уразумел. После обеда нога вела себя особенно гадостно, то и дело требуя изменить положение. Каждое движение сопровождалось резкой болью, постепенно ослабевавшей, но не прекращавшейся, будто стихающий до тоненького нытья крик. Жермон скрипел зубами, иногда ругался и пытался думать о том, что сейчас с его корпусом.

Начавшаяся кампания нравилась Ариго все меньше, Бруно казался все умнее, а фок Варзов все старше. Когда окно стало темно-синим, Жермон сдался и послал за полковником Приддом, но тот где-то шлялся, и Ариго догадывался где. Генерал помянул Леворукого и в несколько этапов, словно осуществляя серьезный маневр, отвернулся к стене, велел себе уснуть. Не спалось, он словно бы застрял между сном, явью и воспоминаниями; это было отвратительно, но бодрствующую-

щая часть мозга не спешила вмешиваться. Жермон осознал, что почти бредит, только объяснение найденного Кроунером следа пришло именно в бреду, и генерал гнал себя в бред, как Кроунера на дриксенский берег. Он искал Бруно, а Бруно пытался застичь Вольфганга на марше. Начав удивлять и обманывать, «гусиный» фельдмаршал не собирался останавливаться. Когда что-то выходит, от него не отказываются; у Бруно вышло. Первый обоз – и дриксы на талигойском берегу. Второй обоз – там же большие пушки, те самые большие новые пушки, которые не рушат стены форта...

Жермон никогда не видел Бруно живьем и до этой весны о нем почти не думал. Зачем, если есть Рудольф и фок Варзов? Ариго занимался насущным и ковырялся в прошлых обидах. Теперь прошлое отцепилось, и вовсе не потому, что лишенный наследства гвардеец все же вернул родовой титул. И не потому, что Ойген принялся искать заговоры, а сестра – писать письма, просто стало не до обид.

Жермон цеплялся за Торку, годами делая вид, что ему все равно, но начинающаяся война вымела старье начисто. Ариго вспоминал о прежних глупостях, лишь видя Валентина. Будет несправедливо, если Придду испоганят молодость из-за ерунды. Именно так, потому что все, кроме нашествия, которое нужно остановить, – ерунда. Ариго рос в убеждении, что ничего хуже начала Двадцатилетней войны быть не может, но сейчас оказалось не легче, хоть их и не застали врасплох. И предательства не было, по крайней мере здесь,

у Хербсте, а все равно приходилось отступать, и объяснение этому оставалось одно: дриксы сильнее, а фок Варзов начал сдавать...

– Он спит! – Шепот лекаря походил на шипенье пролившейся в костер похлебки. Говори коновал громко, Ариго вряд ли бы очнулся, но его всегда будили не выстрелы, а шорохи.

– Не сплю, – подал голос Жермон. – Что случилось?

– Мой генерал, гонец от Ансела.

2

Его величество Хайнрих среди лебедей, сердец и изумрудов выглядел почти Манриком. Савиньяк не сомневался как в том, что весть о низвержении Фридриха уже разнеслась по всей армии, так и в том, что трактирщик, тщательно спрятав золото, бросил полученного в придачу «гусеворона» в печку. Миниатюра работы Зауфа стоила дороже провинциального трактира, но откуда знать об этом бедняге гаунау? И кому бы он продал доставшееся счастье? Не Хайнриху же?

Командующий отхлебнул чего-то, что приходилось считать шадди, зевнул и вновь занялся картой. Шел третий час ночи, а приказа, за которым с рассветом явится Хеллинген, еще не существовало. Армия не сомневалась, что задержит одинокого «медвежонка», Лионель же, хоть и велел готовиться к маршу, думал о другом. Если верить карте, по-

сле несомненного разгрома вражеского корпуса у победителя останется только одна дорога. Куда бы он ни пошел. И вперед, и назад – одна, сворачивать некуда.

Невозможность маневра Лионеля раздражала даже во дворце. Лишись граф родового герба, он бы сделал своим новым символом лиса. Золотого лиса на перекрестье дорог: одна дорога – это не дорога! Пускай крупных сил противника рядом не замечено, это не повод лезть в мешок.

Лионель не мог знать наверняка о приближении Хайнриха, только догадываться. Между армиями оставалось не меньше трех дней пути. Это гонцы на сменных конях успевают за сутки, напрямик, по известным лишь местным тропам... Люди Реддинга их не видят, как гаунау не видят людей Реддинга. Обе армии, по большому счету, слепы. Савиньяк слегка передвинул исчерканный лист. Теперь он смотрел на Липпе и городишко Кребсзее в четырех днях пути от столицы, словно бы созданный для сосредоточения королевской армии.

Сюда мог подойти сам король со столичными полками и артиллерией, сюда же сам Леворукий велел стягивать двигавшиеся к южной границе войска. Те, что предназначались в помощь штурмующим бергерские перевалы генералам. Сколько бы у Хайнриха ни оказалось резервов, собирать их придется не один день. Нет, куда ни кинь, Кребсзее не миновать. Король просто обязан там задержаться, и там же он узнает, что талигойцы, заморочив голову пригранич-

ному корпусу, повернули на Грогге. Командующий корпуса не Фридрих и, скорее всего, не дурак, да и деваться ему некуда. Придется каяться в грехах. В том, что, будучи введен в заблуждение ложным маневром, свернул на юг и оказался слишком далеко от цели.

Хайнрих же... Хайнрих изучит карту, возможно, точно такую же, прикинет время и прикажет облапошенному форсированным маршем двигаться к Гроггехюгель. Там лесистая равнина переходит в лесистые же холмы, а разделяет их широкая дорога, основной проезжий путь в данной местности. Надо занять позицию на холмах, взять под контроль дорогу и позволить противнику об этом узнать.

Именно так! Жирный не станет тянуть, он попытается поймать гостей сразу же, без долгих маневров. Отвлечь внимание на вспомогательные силы, подкрасться с тыла и навязать бой, зажав с двух сторон.

«Медвежонок» – приманка, уже на месте и ждет. «Медведь» двинулся вчера или позавчера. Не раньше, раньше просто не сползлись бы резервы, и потом, «олень» должен успеть заиграться с «медвежонком». Получится – прекрасно. «Гости» сумеют ускользнуть? Ничего страшного, далеко не убегут, зато по маневрам станет ясно, с кем имеешь дело. От пересказов толку мало: не поймешь, где случайность, где собственная глупость, где хитрый вражеский умысел.

– Увы, свидания не будет, – негромко подвел итог Проэмперадор Севера и свернул карту. – Утром 24-го дня месяца

Весенних Волн вверенная маршалу Савиньяку армия покинет Грогге, чтобы, скрывшись из глаз неприятеля, повернуть назад, туда же, откуда она явилась.

До рассвета оставалось часа три, и маршал собирался их проспять, но лишь дописав приказ, который удивит всех, но своих удивит сильнее.

Завтра к вечеру егеря проверят дорогу, ведущую на юг, и узнают от местных, что фрошеры здесь не проходили. И в самом городе их тоже уже нет. Куда делись – неизвестно. Получив подобное донесение, Хайнрих хмыкнет, недовольно оглядит генералов и велит идти прямо в Грогге: раз на полпути перехватить врага не получилось, встанем в городе и начнем поиски. Восточная провинция не такая уж и большая, найдем, а потом и раздавим.

Пропавшая же армия через день объявится у Мрма, городишки, главным достоинством которого является кошачье имечко и то, что из него ведут сразу три дороги, а одна из них вскоре еще и разветвляется. Там можно еще раз оглядеться и попробовать угадать, чего же хотят гаунау на сей раз.

Почти сгоревшая свеча замерцала, Лионель ее заменил и принялся оттачивать перо. Самые важные приказы маршал писал собственноручно, а этот был важным. Игра в «догонялки», которая замысливалась еще в Кадане, началась, и никто не мог сказать, чем и когда она закончится.

Повозку, удостоившуюся чести везти генерала Ариго, постарались обустроить как можно удобней, но матрасы и одеяла помогали мало. С самого начала марша все неровности, кочки и ямы немедленно отдавались в раненой ноге, но к боли Жермон притерпелся, а вот оставленный форт было жаль едва ли не до слез. Печальный Язык еще мог защищаться, он *хотел* защищаться. Старый, заброшенный, он на несколько недель стал нужным и важным, за него были готовы умереть, он поверил, он принял защитников и полюбил, а те ночью ушли. Тихо, воровато, прикрыв обман полусотней конных, которые при первых выстрелах тоже сбегут. Останутся разбитые стены и заклепанные, изуродованные пушки, которым за верность намертво забили горло... Мерзко... Вдвойне мерзко, потому что избитым стенам и реке не объяснишь, что Бруно обыграл старого Вольфганга, Ансел встретил на талигойском берегу дриков, а защищать камни ради самих камней люди не станут никогда. Форту не объяснишь... Не объяснишь...

Лекарь ныл, что генерала растрясло, у него жар и надо остановиться. Жермон не давал. Он не для того бросил Печальный Язык, чтобы валяться в палатке под охраной двух тысяч человек. Скрипели колеса, жаловалось на жизнь бедро, морозило и тошнило. Ариго понимал, что врач прав, но

гнал людей от больше не защищавшей Талиг Хербсте туда, где им самим придется стать и рекой, и бастионами... Два полка – это немного. Два вовремя подошедших полка могут решить исход сражения, но для этого нужно подгадать... Подгадать и успеть...

Жермон поежился и украдкой, под плащом, нащупал пульс. За несколько дней он выучился его находить и даже проверять. Пульс частил, по спине бегали мурашки, но признаваться и просить помощи не хотелось, а лекарь, как назло, обернулся. Ариго резко выдернул из-под одеяла руку, подкрутил усы и окликнул ехавшего рядом с телегой Придда:

– Вы мне нужны.

Придд молча спрыгнул со светло-серого, почти серебряного мориска и зацепил поводья за луку седла. На таких лошадях редко воюют, уж слишком они... гвардейские.

– Мой генерал? – Валентин ловко вскочил в ползущую телегу. Серый спокойно шагал рядом, словно какая-нибудь торская лохматка.

– Вам не жаль Печальный Язык? – Откровенничать с мальчишкой, похоже, входило в привычку. – У меня жар, я понимаю...

– Я здоров, но мне тоже жаль. Оставлять то, что еще можно защищать, всегда неприятно.

– Вы удивительно умеете... подбирать слова.

– Меня этому учили, к тому же я оставил собственный дом. Мне казалось, он смотрит мне в спину, я едва не обер-

нулся... Мой генерал, слышите? Впереди колонны. Разрешите?

Прыжок наземь, прыжок в седло. Топот. То, что молодой полковник трется возле командующего, никого не удивляет и не злит. Оставшийся в осажденном форте и дважды ходивший на *тот* берег Зараза мог позволить себе и не такое. Именно Валентин, не удовлетворенный тем, что видел Кроунер, пошел за ответом и нашел его. Герцог даже не пытался считать стоявших напротив форта «гусей»; переплыв вместе с конем Хербсте выше по течению, он отправился туда, где, окажись Жермон прав, должен был пройти обоз. Отправился и отыскал следы, как старые, так и совсем свежие. Лагерь у Печального Языка был перевалочным на пути к двойной переправе: через заболоченную Штарбах и Хербсте. Переправе, которой воспользовался Бруно. Валентин вернулся среди бела дня и доложил об открытии. Именно тогда у Баваара и вырвалось восхищенное «зар-р-раза!». И прилипло к Придду намертво, став его первым орденом. *Такие* прозвища стоят дорого. Король, подписывая орденский патент, может ошибиться, рота, полк, армия – никогда.

Глава 5

Талиг. Придда

400 год К.С. 1-й день Весенних Молний

1

– Мой генерал, передовой дозор обстрелян противником в полухорне от нас. Полковник Берк остановил колонну и выслал вперед один эскадрон для прикрытия. Пехота готовится к бою.

– Вы уверены, что бой будет? Сколько дриков видели дозорные?

– Стреляли из рощи. Вряд ли их там много, роща слишком маленькая, но Берк не хочет рисковать. Дальше, за ручьем, варитские курганные кольца. Это место вполне подходит для засады.

– Подробнее.

Подробности не радовали. Дозорные не смогли первыми увидеть «гусей», уж слишком хорошо те притаились в лесочке на берегу полноводного по весне ручья. Но добросовестный сержант-драгун с парой солдат решил пошарить под деревьями – за свое старание он поплатился жизнью, еще один драгун получил пулю в бок, но о присутствии дриков узна-

ли вовремя.

– Закатные твари... – Жермон, сжав зубы в предчувствии боли, ухватился за край повозки. Предчувствие оправдалось в полной мере, но он все равно смог сесть! А скоро сможет и встать. – Валентин, распорядитесь насчет носилок. Пусть меня тащат к Берку.

– Мой генерал! Вам не... – вылез коновал.

– Вас не спрашивают. Валентин!

– Сейчас, мой генерал.

Берк от их появления в восторг не пришел, но сдержался и даже не напомнил о ране. Жермон выслушал доклад, в котором не было ничего нового, и потребовал трубу. Накатившее возбуждение глушило боль, позволяя сосредоточиться на деле. Ариго внимательно, стараясь не упустить ни единой подробности, разглядывал место возможного боя. Ровное поле, ручей, рошица... Она действительно маленькая, и сотни всадников не спрятать. Слева и справа равнина, оттуда сюрпризов ждать не приходится. А вот и курганы... От них до ручья минут пять хорошей скачки.

– Валентин, что вы знаете об этих кольцах? Что там внутри?

– Должно быть просто ровное место.

Ровное место... Где вполне поместятся и две, и три сотни легкоконных, состязаться с которыми могут люди Баваара, но никак не драгуны. Ладно, вначале надо убедиться, что там вообще кто-то есть.

Берк тоже так думал. Помолчали, пока от командира эскадрона, отправленного прочесать коварную рощицу, не прискакал гонец: полтора десятка конных ушли на ту сторону ручья и дальше, к холмам. Подковы – дриксенские, размер небольшой. Явно не тяжелая кавалерия и вряд ли драгуны, у тех лошади тоже покрупнее будут.

– Действительно легкоконные, – пробурчал Жермон.

Берк пожал плечами. Дескать, раз тут генерал, его дело полковничье – исполнять. Стоявший тут же Рёдер угрюмо разглядывал варитскую древность, похоже, вспоминал об оставленном, несмотря на все комендантские возражения, форте.

– Рёдер, что скажете?

– Надо проверить. Если они там и впрямь засели, мы их выбьем. Это им не Печальный Язык.

Хочет отыгаться, бедняга. А кто не хочет?

– Взглянуть, конечно, надо, но очень не хочется задерживаться.

– Дриksы могут быть просто дозором, – предположил Берк. – Обнаружили врага и несутся к своим с докладом.

– Вполне возможно. Что ж, господа... Терять время и топтаться на месте не будем. Всех драгун немедленно к ручью. Берк, подтягивайте пехоту туда же. До темноты далеко. Нужно и с курганами выяснить, и успеть убраться.

Едва первый батальон пехоты дошел до ручья, Жермон отправил на тот берег все три эскадрона. Драгуны развернулись в боевой порядок, прикрывая переправу, разведчики Баваара выдвинулись дальше, в сторону курганов. Неторопливо и осмотрительно, как капитан и обещал. Через полчаса к ручью подтянулись все, включая маленький обоз и теперь немногочисленную артиллерию. Жермон еще раз огляделся – залитая желтым вечерним светом равнина была пуста, никаких подозрительных движений, никаких точек и пятен на горизонте. Если враг и есть, то он рядом, за древними насыпями. Посылать Баваара под возможные выстрелы не хотелось, людей и так немного, а разведчики сейчас ценны вдвойне, если не втройне.

– Берк, переводите пехоту. Всем приготовиться к бою. Валентин, останетесь со мной.

– Слушаюсь.

Арно стал бы спорить и рваться вперед, этот же только шляпу поправил. Мы начальству не перечим, просто все выворачиваем по-своему.

– Валентин, где вы видели такие могильники?

– На гравюре в одной книге, но там они выглядели только что насыпанными.

– Это, часом, был не Павсаний?

– Нет, Фелипе Рафиано. Он писал, что курганные кольца остались от древних варитов, но их предназначение в точности не известно. Это в равной степени могут быть могильники, насыпи, сделанные в память тех, кто погиб на чужбине, или что-то связанное с еще седоземельскими верованиями. Курганные кольца всегда насыпали недалеко от реки или хотя бы ручья. В Дриксен и Гаунау таких мест довольно много, хотя после принятия эсператизма насыпи одно время срывали, но на южном берегу Хербсте они – редкость. К своему стыду, про это кольцо я даже не слышал.

– А я и не про это не слышал, – рассмеялся Ариго и вновь с наслаждением выздоравливающего прижал к глазу трубу.

Пехотинцы уже переходили ручей по колена, а то и по пояс в воде, выбирались на тот берег, строились по обеим сторонам от места переправы. До заката переберутся все. Любопытно будет взглянуть с насыпи на заходящее солнце, да и место для лагеря лучше не придумать. Если, конечно, его не успели занять...

Как оказалось, успели. Почему командир «гусей» решил атаковать именно сейчас, почему он вообще решил атаковать, Жермон так и не понял, но это произошло. Сначала стало видно, как спешно разворачивают коней люди Баваара, потом из ложбин между курганами выплеснулись всадники. Несколько десятков. Это было лишь началом, из-за крайнего холма выскочили еще с пару сотен дриков и с гиком погна-ли коней на изготовившихся к стрельбе драгун.

– Эх, – не выдержал Рёдер, – если б успели переправить пушки!..

– И так обойдутся. – Берк принялся нашаривать несуществующую трубу, вспомнил, где она, и немедленно сделал вид, что ищет что-то в кармане. Жермон усмехнулся, но трубу не отдал, все и так шло неплохо. Так неплохо, что старшие воинские начальники могли просто смотреть и получать удовольствие.

Капитан Зантола, командовавший первым батальоном, соображал быстро, его мушкетеры бегом кинулись вперед, подпирая драгунский строй. Гроыхнул слитный, мощный залп. Рановато, еще бы шагов тридцать, но помогло и это. Вражеская конница раздалась в обе стороны и отвернула, тут же с дриксенской стороны затрещали ответные выстрелы.

Жермон повел присвоенной трубой. Темных тел на яркой, испятнанной цветами траве осталось гораздо больше, чем он ожидал, правда, большинство конских. Оставшиеся без лошадей всадники, кто был в состоянии, поднимались, им на помощь спешили товарищи, подхватывали к себе и увозили. На знакомых темных мундирах мелькало что-то оранжевое и белое... «Забияки»... Легкоконные. Встретаться с ними Жермону еще не доводилось, но Людвиг отзывался о них неплохо. Вот и познакомились.

Второй залп. Теперь вперед пошли драгуны. «Забияки» боя не приняли, дали несколько выстрелов и унеслись в обход курганов. Догонять никто не пытался, но разведчики тут

же отправились следом, стараясь не упускать отбывающих из вида.

– Ну и зачем все это представление? – недовольно буркнул Берк. – Потеряли где-то... С десятков, не меньше. У нас хорошо если половину от того. Чего хотели-то?

– А кошки их знают! – отмахнулся Ариго. – Пусть Зантола проверит тела... Может, второпях кого из раненых оставили. Хотелось бы поговорить.

– Проверим... Мой генерал, пехота переправилась полностью. Нам тоже пора, но для носилок вода стоит слишком высоко.

Леворукий, как же неохота возвращаться в эту несчастную повозку... Ничего, завтра он попробует встать, и пусть этот коновал вякнет хоть слово!

– Высоко так высоко. Я топиться не собираюсь.

3

Одного из дриков, получившего пулю в бок и при падении сломавшего спину, добил Баваар, не забыв при этом прикончить и покалеченных коней. Еще один «забияка» отделался вывихнутой ногой и разбитым лицом. Говорить он мог и отнюдь не стремился принять смерть за кесаря и великую Дриксен. Правда, сам оказался каданцем. Таких наемников в легкоконных полках кесарии хватало: почему-то сами дриксены были мало расположены к подобной службе.

Жермон смотрел на опухшую физиономию и понимал, что нужно поручить пленного Берку и попросить помощи если не у лекаря, то у Валентина, но отчего-то хрипло велел пленнику назваться. Тот не понял, Валентин повторил вопрос на дриксен, и Жермон почувствовал себя дураком. Пленник смотрел на генерала словно из-под воды. Начни он запирается, Ариго отдал бы его Берку с Бавааром, но каданец заговорил.

– Капрал Медоуз, – довольно бодро сообщил он и по собственному почину добавил: – Три года в Южной армии его величества Готфрида... Еще бы год, и домой!

– Что тут делали «Забияки»? – В другую войну и в другом состоянии Жермон каданцу даже посочувствовал бы, но сейчас пошли другие ставки.

– На разведку ходили, – не стал скрытничать Медоуз. – Тому четыре дня, как фрошеры... то есть ваши, с тыла врезали по корпусу фок Ахтентаннена... Он вроде как в сторону намылился, чтобы фро... обойти ваших. Ну, ему похлебку-то и расплескали, и тут такое началось... Холку-то всем «сам» мылил, вот они и заскакали. Наш аж целый полк во все стороны разогнал, чтоб ненароком на кого не нарваться.

– Кто «ваш»? – Жермон спросил на дриксен, и капрал от удивления выпучил заплывающий глаз.

– Генерал наш... Фок Бингауэр.

– Чем закончился прорыв?

Неподдельное восхищение в глазах Берка и Рёдера. Не

прошло и недели, как полковники поверили, что Бруно с основными силами перешел-таки Хербсте. Приятно, Леворукый побери, но лучше было бы, торчи дриksы у Печального Языка и поныне.

– Берк, Баваар, дальше сами. Я устал.

– Мой ген...

– Я просил вас вести допрос, а не подменять лекаря!

Теперь пленный смотрел не просто из-под воды, а из-под воды, в которую раз за разом бросали камни, и Жермон, откинувшись на подушку, прикрыл глаза. Пришел вечер, а с ним и жар, но капрал отвечал, а генерал слушал. Как ни странно, все понимая.

Талигойцы? Медоуз в том бою не участвовал, но вроде бы они прорвались и ушли на соединение со своими основными силами. Там как раз должно было состояться сражение, чем оно кончилось, неизвестно. «Забияки» уже три дня по полям болтаются и новостей не знают. Вообще-то пора было возвращаться, припасы кончались, но решили заночевать, уж больно место хорошее, а вернешься раньше времени, опять куда-нибудь погонят. С Бингауэра станется, любит, чтоб все бегали, даже если без толку...

Зачем вообще атаковали? Нет, конечно, они видели, что тут ничего не светит, но уйти просто так? Да капитан Штурриш скорей на себе своего коня повезет, чем совсем без драки уйдет. Хоть пару выстрелов, а сделать надо, иначе никак... А что не повезло кой-кому, и ему тоже – так дело

обычное. Они ж не пивовары и не ткачи. Жаль, конечно, что он так не вовремя башкой приложился, вот ребята и бросили, посчитали дохлым. Теперь в его память вечером выпьют и деньги разделят. Денег жалко, но когда за живого пьют, как за мертвого, хорошая примета... Главное, до вечера дожить.

Это начинало надоедать, и Жермон заставил себя поднять тяжеленную руку и махнуть – уводите. Разумеется, каданское трепло доживет до вечера. И до встречи с фок Варзов доживет... Проклятье, успел ли Ансел к Вольфгангу и чем оно вообще там закончилось, это сражение?

– Уснул? – Берк искренне полагал, что шепчет.

– Нет, – откликнулся от изголовья Валентин. – Пусть согреют вина...

– Пусть согреют всем, – уточнил Жермон и понял, что Придд не просто сидит на телеге, а подпирает готовую свалиться подушку. – Час на ужин, и вперед... Нечего ждать, когда эти «забияки» наведут на нас целый корпус.

Глава 6

Талиг. Оллария. Кольцо Эрнани *400 год К.С. 2-й день Весенних Молний*

1

– Подумать только, – Левий задумчиво поворошил щипцами раскаленный песок, – я могу готовить шадди с морисскими специями и не озираться по сторонам. На меня больше некуда доносить, но это словно бы отбивает часть аромата. Неужели вне запретов наша жизнь блекнет? Или мне жаль тех, кого я всю жизнь считал, нет, не врагами, враг – это слишком личное... Я полагал «Истину» и «Чистоту» дурной болезнью, поразившей Церковь и через нее паству, но лекарство оказалось слишком сильным. Однако получилось недурно! Я о шадди. Пейте.

Робер отпил. Отчего-то вспомнилось, как почти пять месяцев назад он пил налитое Альдо кэналлийское. В тот день окончательно прояснилось с Надором и Роксли. С Айрис и Реджинальдом. До этого еще оставалась надежда, но Катари подметила верно: в Талиге слухи до безобразия правдивы.

– До сих пор не верится, – пробормотал Эпинэ. Не об Агарисе – об Айри.

– А вот я поверил сразу. – Левий смотрел в чашечку, словно читал по шадди будущее.

– Сразу? – переспросил Робер, вспоминая высокие колокольни и крики торговков. Города́ как люди, не видишь мертвыми – остаются живыми.

– Сразу. Для вас это не довод, но конклав переполнил чашу терпения Создателя уже давно. Не знаю, что стало последней каплей – подмена святой воды отравой или погромы, но расплата не могла не прийти. Другое дело, что новость перестала быть первостепенной, прежде чем достигла Кольца Эрнани. Мы не могли ничего изменить в судьбе уже сожженного Агариса, а его сожжение ничего не меняет для нас. Разумеется, оставайся на троне Альдо Ракан, нам пришлось бы туго...

Кардинал не договорил. Он сожалел, не мог не сожалеть о тех, кто столько лет был его собратьями. Даже если ненавидел, они слишком долго были рядом. Страшная все-таки вещь этот Шар Судеб! Катится себе и катится, то в одну сторону, то в другую, и путь его неисповедим. Увязавшиеся за Альдо дураки думали, что бегут к корыту, а бежали от одной смерти к другой. Из Агариса в Дору.

– Чудовищно... – Иноходец отвернулся к окну: на подоконнике сидела кошка и смотрела на жизнь. У судьбы кошачий взгляд, никто другой не смотрит так всезнающе и так равнодушно.

– Чудовищно? – переспросил кардинал, помешивая шад-

ди. – Что именно?

– Ошибиться... Особенно если выбираешь не за себя.

– Несомненно, – согласился Левий, – но едва ли не всякий выбор, свершившись, кажется ошибкой.

Клирик улыбнулся, Робер не смог – вспоминал Хогберда. Умный барон не двигался с места и прожил на зиму дольше «Каглиона» и Кавендиша. Впрочем, с пегобородого прониры стало бы почуять неладное и убраться, а вот гоганы с их трактирами и складами не послушали Енниоля. Если тот, конечно, добрался... Что сделали мориски с пережившими погромы? Дорезали или ничего, то есть ничего, кроме обычного грабежа?

– Потомки станут сожалеть о храмах и статуях, но вряд ли о людях. – Кардинал поставил чашечку с прошлым на поднос. – Агарис был по-настоящему красив, хотя не думаю, что вы это заметили. Вы не любили этот город, и не заставляйте себя о нем сожалеть. Не знаю, что вело морисков, но разрушать ради разрушения они никогда не стремились. Это в большей степени свойственно нам.

Робер вспомнил усыпальницу Франциска и промолчал. Кардинал разлил остававшееся в варочном сосуде и привычно поправил орденский знак.

– Не будь войны, нам следовало бы собраться... Я имею в виду уцелевших князей церкви. Увы, избрать Эсперадора сейчас невозможно. Оставшись без Агариса, мои собратья окончательно вцепятся в правителей земных и станут их те-

нюю. Даже если мы встретимся, это ничего не даст: говорить станут не слуги Создателя, но Гайифа, Дриксен, Агария, Талиг... Такой разговор обретет смысл лишь после чьей-нибудь победы или хотя бы наступления определенности. Без этого Золотого Договора не возродить и нового Эсперадора не избрать. О чем вы задумались?

– Наверное, о судьбе. Альдо и Борны погибли. Матильда с Дугласом исчезли, я – жив и все еще здесь... Что бы было, останься мы все в Агарисе?

– Я советовал бы вам думать о том, что происходит теперь. Знаете притчу о двух купцах?

– Нет.

– Они собирались... Ну, допустим, из Агариса в Нухут. Первый настаивал на сухопутной дороге, опасаясь корсаров, второй, дорожа временем, предпочитал плавание. С соответствующей охраной, разумеется. Дело кончилось ссорой, и каждый поступил по-своему. Тот, кто опасался морисков, отправился посуху, но в Кагете началась междоусобица, и многие казароны сочли ее прекрасным поводом для грабежа. Осторожный попал в засаду и был смертельно ранен. Его последней мыслью стало сожаление о том, что он не послушал друга. Другу же повезло избежать встречи с корсарами, зато началась буря, и корабль был разбит. Идя на дно, нетерпеливый думал о том, что следовало бы отправиться посуху. Ах да, я забыл про третьего, осудившего как первого, так и второго. Этот остался в Агарисе, и вскоре ему тоже стало о

чем сожалеть... О надеянии. Мы все о чем-то сожалеем, но это худшее из сожалений. Вы говорили, что подобрали вашу крысу в ночь, когда ушли ее сородичи?

– Да. Клемент был совсем малышом.

– Клемент? – Его высокопреосвященство прищелкнул языком. – Дело прошлое, но ваш голохвостый друг имел все основания оскорбиться. Не знаю, кто сделал Агарис невыносимым для крыс и шадов, но «Истина» и «Чистота» долго играли со змеями. Правда, от безумия магнуса Клемента до нашествия прошло слишком много времени, чтобы смотреть на них как на причину и следствие.

Безумие астролога, безумие «истинников», сгоревшая ара, ушедшие крысы, лошадиные страхи... Неужели морисков вело нечто, ведомое зверям и звездам, но не людям? Не обычным людям.

– Магнус Клемент обещал помочь Альдо.

– Он много чего обещал, – поморщился Левий, – и, хуже того, делал. И не только он. Адриан сдерживал конклав, пока мог... Эсперадор хотел мира в Золотых землях. Любой ценой. Вы его не знали, но поверьте на слово – Адриан был отважным человеком. Я поставил бы рядом с ним лишь герцога Алва. Мне все чаще кажется, что у болезни обоих, как и у мужества, один и тот же источник и один и тот же предел. Жаль, я узнал Алву слишком поздно, да и собеседниками мы оказались дурными. Следовало вести себя откровенней, по крайней мере мне. Вам ведь случалось говорить с Вороном?

– Очень мало. Во сне я встречал его чаще...

– Он вас, судя по тому, что мы слышали в суде, тоже. К сожалению, это нам ничего не дает, разве что Алва сообщит вам, куда он отправился.

– Ваше высокопреосвященство, я больше не вижу снов. Никаких.

2

За окном мокли кусты, крыши и лошади, но ехать все равно хотелось, потому что не хотелось сидеть у огня. Тем более с Лизой на коленях... Или не Лизой? Марселю начинало казаться, что в каждой гостинице его подстерегает Лиза с прозрачными глазками, хорошеньким ротиком и пустой головкой. Увы, лизы напоминали о Франческе, а кролик в белом соусе и гроза за стеклами – о Котике, Валтазаре, матерьялистах и прочих глупостях, без которых смертельно скучно даже в хорошем трактире с отменным собутыльником и услужливыми девицами.

– Здесь отличные соусы, – с вызовом бросил Марсель, – и суп с клецками тоже, но никакого вдохновения! С утра не могу закончить сонет...

– Случается. – Алва отвлекся от созерцания пузырящихся луж и тоже перебрался к столу. – Когда уделяешь кому-то или чему-то слишком много времени, кто-то или что-то начинает капризничать. Потакать чужим капризам следу-

ет только для собственного удовольствия. Если его нет, надо поставить капризника на место или вышвырнуть.

Подлетел трактирщик, наполнил стаканы и отлетел. Валме уныло отхлебнул красного и едва не поправил пузо, но пузо тоже осталось в Олларии.

– Послать капризы к кошкам, – пробормотал Марсель, – усевшись у окошка, смотреть на дождь и крошки, страдая понемножку... Нет, не могу! Рокэ, я болен. Я не наслаждаюсь отличной кухней и чистыми простынями, меня тянет в дорогу, в грязь, под дождь, на войну. Что скажет батюшка?..

– Что ты слегка возмужал и тебя одолела жажда деятельности. – Алва был здоров, спокоен и почти будничен. – Научишься радоваться хорошему соусу, хорошей проделке и хорошей переделке по отдельности – и возмужаешь окончательно. Тогда граф Бертрам сможет отправиться в Закат, не опасаясь за графство и цветы.

– В астры я запущу козу, – с усилием пообещал Валме. – Бакранскую. Белую и грустную. Она будет грустно жевать цветы и вспоминать горы, в которых осталось ее сердце и ее козлы, а ей достались чужое небо, невкусные астры и печаль, печаль, печаль...

– Очень распространенный случай печали, – задумчиво протянул Ворон. – Дидериховой. Коза могла бы ее избежать, вернувшись на родину и разгребая снег в поисках травки. И уж тем более она не стала бы грустить, доставшись волку или угодив на вертел. Жаркое бывает дурным, но не печальным.

– Я не могу послать даме сонет о козе, – возмутился Марсель. – И я не могу высушить эту весну. Ты грозишься упасть в обморок под очередным столбом и все не падаешь. Может, вообще не упадешь, а у меня собака в Оллари, Давенпорт – у Савиньяка, Елена – в тревоге. Где утреннее чудище, я и сам не знаю, а рэй Кальперадо, между прочим, твой порученец...

– Справедливо. – Алва поправил шейный платок и внезапно усмехнулся. – Я пришел к сходным выводам. Мне не хватает определенности, тебе – рифм и войны, значит, пора поворачивать.

– Мы могли быть на полпути к Придде, – сварливо напомнил Марсель, – там такие же столбы, а забрались едва ли не к дожам.

– Разумеется, – теперь Ворон почти смеялся, – ведь мы едем навещать знакомых дам. Сперва многих, потом – одну, я оставил ее в горах.

– А где ты их не оставил? Но разве это повод для возвращения?

– Это не возвращенье, это просто дорога. Что за сонет у тебя не выходит?

– *Твоя обитель святостью горда*, – продекламировал, оживая на глазах, виконт.

Я видел: небеса над ней так ясны,
Но жизнь меня влечет светло и властно,
И пусть бегут презренные года!

Мне не заметить Первого суда
Средь поединков и объятий страстных,
И лишь намеком, смутным и опасным,
Меня смущает память иногда.

Мечта, виденье, сон о дальнем лете...
Причудливы воспоминанья эти,
Как винных лоз изысканный изгиб.

Я помню парк, исполненный загадок,
Где аромат цветов печально сладок...

– И все, хоть тресни. Что в этом парке еще, ума не приложу!

– Повтори последние две строчки.

– *Я помню парк, исполненный загадок,* – послушно повторил Марсель в предвкушении чего-то вроде скрипок Гросс-фихтенбаума, – *где аромат цветов печально сладок...*

– *Я не был там,* – негромко закончил Ворон. – *Нет – был... Я там погиб.*

3

Катари занята с Инголсом и Карвалем. Опять занята, и опять с ними! Дженнифер Рокслей смотрела с сочувствием, но выставить из кабинета королевы зарвавшегося законника и еще более зарвавшегося коротышку придворная дама не

могла.

– Вы могли бы подождать в свитской гостиной, – внезапно предложила вдова маршала Генри. – Конечно, это нарушение этикета, но ее величество не слишком строга, когда речь заходит о близких и их друзьях, а вам у нас будет удобней.

Ричард с благодарностью согласился: в Парадной приемной толпилось слишком много народа.

– Нам придется пройти мимо комнат Мевена и спуститься в Весенний садик, – объяснила графиня.

Название показалось неприятным, но неприятные названия лучше неприятных лиц, а их у королевских дверей хватало. Все, кто хоть раз бывал в Ариго, набивались к Катари чуть ли не в родичи. Толкаться среди настоящих и мнимых чесночников не хотелось, говорить с ними – тем более.

– Осторожно, здесь ступеньки. – Дженнифер подобрала черную с багряной оторочкой юбку. – И еще раз осторожно. Эта калитка для камеристок, а не для высоких кавалеров.

Ричард послушно пригнулся, внезапно вспомнив и калитку, и давнишний весенний день. Они с эром Августом шли тем же полным сирени и гиацинтов садиком... Штанцлер знал, где можно найти Ворона, и Дикон его нашел. В будуаре Катари.

Каким мальчишкой он тогда был, глупым влюбленным мальчишкой, не понимавшим очевидного! Вообразить, что Катари любит Алву... Вообразить, что Алва ненавидит Катари...

– ...а вы любите сирень? – Госпожа Рокслей была слишком хорошо воспитана, чтобы молчать, сопровождая гостя, а гость утонул в дурных воспоминаниях. Нужно учиться забывать.

– Я люблю сирень, – поспешно сказал юноша, соображая, уместно ли сорвать ветку и вручить спутнице, – а вы?

– Очень, – улыбнулась женщина, – ведь это мой цветок. Я родилась в пору цветения сирени. Мой супруг, когда делал мне предложение, сказал, что сирень в моих глазах цветет даже зимой. Возможно, потому я и согласилась стать графиней Рокслей, хотя могла бы стать маркизой, а возможно, и герцогиней... Наш союз удивлял многих, ведь Генри трудно было назвать обольстительным кавалером. Правда, он был меня много старше. Юных девушек это привлекает, им кажется, что зрелый мужчина знает множество тайн. Это потом понимаешь, что молодость, мужская молодость, мудрей зрелости, потому что не боится нежности и не кичится тем, что нам не важно... Нам, женщинам, которые любят не за чины, не за титулы и уж тем более не за лысины и выпитые бутылки. Я, наверное, пугаю вас своей откровенностью, но сирень очень откровенна, недаром листочки у нее напоминают сердце.

– Ее величество ценит откровенность, – поддержал странный разговор Дикон, – и очень ценит вас.

– Она об этом говорила? – Графиня подняла брови и наклонила к себе тяжелую от розоватых свечей ветку. – Я слег-

ка удивлена. Ее величество так дорожит обществом баронессы Капуль-Гизайль... Конечно, та по-своему забавна и великолепно одевается, но я рада, что моя дочь младше обеих принцесс и еще не скоро сможет подавать ее величеству ноты. Мне бы хотелось, чтобы моя крошка узнала о существовании подобных баронессе женщин как можно позже... Вы больше любите белую сирень или темную?

– Я избегаю лилового цвета, сударыня. – Святой Алан, о чем Катари говорит с Марианной и что баронесса рассказывает Катари?! – Он напоминает о предательстве.

– Но разве может предать цветок? Он может всего лишь завянуть от недостатка влаги, а сердце, женское сердце, вянет от недостатка любви. Клирики учат находить утешение в молитвах и делах, но это для репы и шпината, а не для сирени и гиацинтов...

– Как вы сказали? – Какой же он глупец! Вдова Рокслея не станет размениваться на пустую болтовню, она передает слова Катари. Королева и регент не вправе быть искренней с мужчиной, но почему бы не сделать своим голосом вдову из дома Скал?! Из дома Эгмонта, некогда покорившего юную королеву?

С опытом, со страшным опытом, к Катари пришло понимание другой любви... Похожей, но другой, сменившей девичьи грезы о святом Алане.

– Как я сказала? – переспросила Дженнифер Рокслей. – Я уже забыла, и вы забудьте.

– Никогда! – твердо сказал Ричард, сожалея лишь о том, что не способен писать лучше Веннена. – Гиацинтам нужна... влага, а сердцу – любовь. Передайте ее величеству, я...

Что знает графиня? Насколько можно быть с ней откровенным? Рокслеи не способны на предательство, но Дженнифер – Рокслей лишь по мужу.

– Я не стану ничего передавать. – Графиня тихонько рассмееялась. – Вы пришли по делу, значит, аудиенция не заставит себя ждать. Какое счастье, что я не регент и могу думать, о чем хочу или о... ком?

Она знает все, то есть все нынешнее. Катари ни с кем не станет делиться былыми страданиями, но о теперешней любви она рассказала... Или проговорила. Ее величество так и не научилась лгать, и она слишком устала от одиночества, от приставленных к ней шпионов. Теперь Катари не боится слежки, ведь рядом те, чья верность прошла испытание. Дженнифер Рокслей одна из них.

– Эрэ... Эрэ Дженнифер, моей признательности... Я понимаю, Катари... Ее величество не может сейчас думать о... себе, но это не будет длиться вечно, а я... Я в самом деле молод, а Скалы ждут долго, столько, сколько нужно!

– Дай Создатель им дождаться, – неожиданно резко сказала графиня. – Идемте, мы и так задержались. Негоже, если к ее величеству прежде вас проникнет какой-нибудь поставщик или посол.

Они торопились не зря: Дикон едва успел отвесить поклон

расположившимся в свитской гостиной дамам, как раздался звонок. Толстуха Мэтьюс бросилась на зов. Сквозь дверной проем Ричард увидел прихожую и ставшую малиновой Малую приемную, из которой по-прежнему вело четыре двери. Толстуха нырнула в дальнюю и тотчас возникла снова.

– Мой герцог, – возвестила она, – пройдите в Музыкальный кабинет. Вас ждут, но их величество расстроены и устали, а к четверем прибудет посол Алата. Будьте великодушны.

– Я не отниму много времени, – заверил Дикон и бросился на зов. Мелькнули золотые ласточки. Урготской купчихе не видать талигойской короны как своих ушей! Королевой Талига должна быть истинная эрэа – нежная, гордая, чистая...

– Моя королева! – Юноша ловко опустился на одно колено. Он хотел бы коснуться губами чуть видневшейся из-под черного бархата тувельки, но у окна смешивал тинктуру врач, а в углу перебирал четки мерзавец Пьетро.

Глава 7

Восточная Гаунау

400 год К.С. 8-й день Весенних Молний

1

Маршальская кавалькада неторопливо рысила вдоль дороги, обгоняя артиллерийские запрежки и устало шагающих пехотинцев. Лионель вел своих людей на север, удаляясь от границы с Бергмарк и уводя за собой сорокатысячную армию Хайнриха. Удививший всех отказ от охоты за одиноким корпусом вкупе с принесенной «фульгатами» к вечеру вестью о появлении Хайнриха заставили капралов и сержантов значительным шепотом объяснять молодняку, что «*наш знает*». А «медведей» все равно потрепали. Пусть не корпус, но внушительный отряд с приятным и крайне своевременным обозом. Резервы из озерной Гаунау до Хайнриха не добрались, но собственные планы Савиньяк тоже изменил.

Идти сейчас на юг было рискованно, противник оказывался слишком близко. Уходить назад, в Кадану, Лионель считал опасным. Не для себя, для регента и фок Варзов, получавших вместо бергерской помощи разозленного Хайнриха и собранную в кулак и рвущуюся отплатить фрошерам за

два разгрома армию. Лионель расспросил «фульгатов», перемигнулся с портретом его величества и двинул на север, стараясь как можно больше опередить врага.

В Хайнрихе маршал не сомневался. Присутствие чужой армии в глубине страны, чего не случалось со времен Двадцатилетней войны, вынуждало и без того решительного короля к действиям. «Медведь» настойчиво преследовал «оленья», но олень – создание резвое. Сумев в самом начале оторваться на два дневных перехода, Лионель не позволял гаунау сократить расстояние, вот только бесконечно идти не получится, рано или поздно нужно остановиться и дать людям отдых. Хотя бы на день...

– Осмотримся, господа.

Серый в яблоках мориск легко взбежал на небольшой пригорок и с явной неохотой остановился. Он, в отличие от топавших мимо солдат, был не прочь размяться. Это людям мерещился отдых, костер, на костре – котел с булькающей похлебкой, возможность сесть и вытянуть натруженные ноги.

– Нужна дневка, – напомнил видевший то же Хеллинген. – Гаунау для этого достаточно далеко.

– Завтра. Сперва надо перейти Штиглиц. – Маршал с удовольствием обвел взглядом умытые недавним дождем окрестности. Восточная Гаунау по сравнению с Южной, которая мало отличалась от бергерской Торки, была провинцией равнинной, хоть и не такой, как Эпинэ или Рафиано.

Слишком много холмов, холмиков и всяких пригорков, густо заросших хвойным лесом, в котором изумительно пахло смолой. Савиньяку нравился этот запах, нравились и сами сосны – высокие, стройные, гордые. Боры Гаунау были прекрасны, но своей пригодностью для засад изрядно раздражали Реддинга и приданных ему в помощь драгун.

Сейчас лес был только справа от дороги, слева тянулись зеленеющие луга. Слева же, впереди, там, где гряда холмов почти вплотную приближалась к тракту, виднелись крыши то ли маленького городка, то ли большой деревни, на карте помеченной как Гемутлих и стоявшей на перекрестье двух дорог – большой, по которой сейчас шли талигойцы, и какой-то узкой, местной. Будь Гемутлих хорны на четыре подальше, в ней можно было бы заночевать, а так придется проводить ночь в поле. Или в лесу, если он там будет.

– И все-таки, – вернулся к утреннему разговору Айхенвальд, – мы неоправданно отдаляемся от перевалов. Это становится опасным.

– Это стало опасным уже у Грогге, – маршал ласково потрепал Грато по шее, – но вы правы. Дальше Штиглицвиндунг мы не пойдем. Мне нравится этот город. Отсутствие стен, три дороги, каменный мост, который Эрмали придется взорвать. Конечно, горожане будут недовольны, но что поделать...

– Пока Хайнрих доберется до другого моста, мы отдохнем и все-таки повернем на юг. – Бергер был откровенно дово-

лен.

– Или на юго-запад. Подумайте над этим и над возможными маршрутами. Прорваться сразу в Ноймаринен было бы лучшим выходом для всех, кроме Бруно... Стойте!

От Гемутлих галопом летела пара всадников, до них было еще далеко, и Лионель потянулся за трубой. Давенпорт и какой-то «фульгат»... Ничего хорошего подобная спешка не сулила, и маршал тронул Грато – дурные новости лучше узнавать быстро.

2

– Мой маршал, от полковника Реддинга. С запада подходят гаунау. Будут здесь через пару часов.

– Где Реддинг?

– Поскакал навстречу «медведям». Мы встретили эскадрон егерей, атаковали их вместе с людьми Лебенслюстига и отогнали. Полковник остался следить за противником.

– Посчитать их смогли? Хотя бы примерно?

– Господин полковник не берется утверждать сколько-нибудь точно. Слишком далеко. На первый взгляд, не меньше двух полков.

– Только что двум полкам тут делать? – Мениго выглядел недовольным, не более того. – Больше их.

– Согласен. Хеллинген, авангард уже прошел Гемутлих?

– Давно. Сейчас надорские идут.

– Сэц-Алан, карту!

– Когда-то везти перестает даже Леворукому, – философски заметил Хеллингген. Он не был в претензии, напротив, выражал понимание.

Маршал Савиньяк смерил начальника штаба слегка удивленным взглядом.

– Из чего вы сделали вывод, что нам везло? Если повар не ворует яйца и сало, знает, как готовить яичницу, и не отвлекается, когда ее жарит, вы тоже будете настаивать, что ему везет? Я соглашусь, что нам повезло с Фридрихом, но наше везение уравнивается невезением фок Варзов, которому достался Бруно.

– «Медведь» не хуже «гуся», – вступился за честь Гаунау Мениго, – и пока он нас не съел, но пора выбирать.

– Выберемся, – успокоил позабывший о перевалах Айхенвальд. – Хоть два, хоть четыре пехотных полка нас здесь никак не задержат, но что им нужно? Хотят привлечь к себе внимание, заставить остановиться и атаковать?

– Наивно, на Хайнриха не похоже. А вот если Жирный ухитрился найти более короткую дорогу и переправиться через реку ниже...

– На карте ничего нет...

– Он у себя дома, господа, – напомнил, не отрываясь от карты, Савиньяк, – и проводников найти ему гораздо легче. Нашел. Ему указали проход через вот эти леса, он переправился. Вышел на поперечную дорогу и теперь спешит

нам наперехват. Всей своей армией, ну, или большей ее частью. Вот был бы подарок... Хорошо, что «фульгаты» так внимательны, будем считать, что немного времени у нас есть. Сэц-Алан, отправляйтесь к Эрмали и арьергарду. Всем ускорить движение. Давенпорт, Лецке, скачите вперед, по всей колонне. Тем, кто не дошел до перекрестка, прибавить ходу. Тем, кто уже его прошел, остановиться. Хейла, Фажетти – ко мне. Капрал, немедленно назад, к Реддингу. Мне нужно точно знать, это отдельный отряд или нет. Я буду в Гемутлих, найдете меня там.

Золотые от солнца вершины сосен, такие мирные крыши чужого городишки, зеленеющий луг... Принимать бой? Здесь? Стоя на дороге, спиной к лесу? На пропитанном водой лугу, где всадники Хейла смогут передвигаться только шагом? Неудачно, очень неудачно.

Маршал успокоил начавшего заводиться мориска – чувствует, безобразник, все чувствует! – и легким галопом поскакал к Гемутлих.

3

Батальоны на дороге уже не брели, а торопливо шагали, подбадриваемые резкими выкриками командиров, тревога волной пробежалась вдоль колонн и как будто бы смыла усталость.

Давенпорт гнал коня вперед, к авангарду. Мысли были

тревожнее некуда. Савиньяк не ждал Хайнриха, как Фридрих не ждал Савиньяка. Как же все ржали, когда гаунасского короля всунули в рамку с лебедями, но он от этого глупее не стал. Когда над противником смеются солдаты, это хорошо, но генералам и маршалам до конца кампании лучше помалкивать. Слишком уж весело и удачно все складывалось после Ор-Гаролис, вот и нарвались. Дразнить судьбу вообще глупо, а уж забравшись в чужую берлогу...

Перекресток остался позади, как и пехота Лейдлора, дальше идут эскадроны драгун. А вот и Хейл с Фажетти. На обочине, смотрят назад... Уже поняли: что-то случилось.

– Чарльз, в чем дело?

– Гаунау. – Как все-таки просто докладывать отцу Бэзила. – Подходят из-за деревни. Сколько их, пока не ясно. Маршал приказал авангарду остановиться, а вам прибыть к нему. Сам он в деревне, ждет донесений от Реддинга.

– Понятно. Марций, это неспроста. Я собираю свои эскадроны?

– Само собой. Светлых часов осталось не так уж много, но Хайнрих не Фридрих.

Хайнрих не Фридрих... Сколько раз это сегодня сказано, сколько еще скажут?

– Давенпорт, передайте, мы все поняли и сейчас прибудем.

Снова галопом. За спиной господ генералы вовсю раздают приказания, рассылая уже своих порученцев. Сейчас бы

к Реддингу, но вернуться к «Закатным тварям» выйдет вряд ли. Жаль, но с приказами, с *такими* приказами спорят только корнеты.

– Эге-гей!.. Давенпорт!

Капитан-артиллерист. Лицо знакомо по Ор-Гаролис, имя вылетело из головы напрочь.

– Рад вас видеть.

– Так я вам и поверил. «Медведи»?

– Они самые... Вопрос – сколько.

4

Это не отдельный отряд. Если и не вся армия, то никак не меньше половины, и прут не останавливаясь... А ведь, казалось бы, как берегся, памятуя про неудачу маршала Рокслея у Малетты. И все равно чуть не попался! Да, Ли, береграм встреча с таким «медведем» сейчас точно не ко времени. Значит, ты будешь продолжать дразнить «бурое» величество. Сколько сможешь.

Конский топот. Хейл с Фажетти, последние... Господа генералы в сборе, и кому-то придется выбивать для остальных несколько важных часов. Пехота, если и продержится до темноты, потом не уйдет, егеря все равно догонят...

– У нас нет времени на разговоры, господа. Согласно последнему донесению Реддинга, к нам подходят основные силы гаунау. Мы здесь не для того, чтобы героически погиб-

нуть в неравном бою на плохо пригодной для обороны позиции, поэтому боя мы не примем. Оставим в деревне заклон, а сами уйдем вот этой дорогой как можно дальше. Генерал Хейл, ваша кавалерия, кроме драгун, немедленно уходит вперед. Айхенвальд, заворачивайте за ними свою пехоту. Дорога узкая и неудобная, проследите, чтобы не было беспорядка и путаницы.

На паре физиономий недовольство – еще бы, удирать самым постыдным образом, вместо того чтобы честно подраться. Остальные понимают. Особенно Эрмали.

– Господин маршал, обозы и артиллерия слишком растянулись.

– Подгоняйте. Полковник Стоунволл!

– Мой маршал...

– Томас, вы были недовольны Ор-Гаролис, теперь попробуйте обрадоваться. Я отдаю вам всех драгун и Вайспферта с его ветеранами. А еще у вас будет полно артиллерии. Эрмали, тащите все трофейные пушки, кроме самых легких. Сюда, сколько здесь можно установить, остальное – на перекресток. Как ни жаль бросать такое добро, они нас серьезно задержат, а так хоть польза будет.

Здесьние луга, конечно, не болота, но маршировать по ним трудновато, так что главное – держать деревню и дорогу. «Медведи» могут пойти в обход – на здоровье, это займет ровно столько времени, сколько нам надо. Когда Хайнрих подтянет артиллерию и начнет обстрел Гемутлих, не упор-

ствуйте. Пушки забивайте и бросайте, а сами отходите к перекрестку. Когда гаунау войдут в деревню, начинайте громить ее сами. Вам надо продержаться до темноты. До темноты, и не более того! Потом оставите Хайнриху испорченные пушки, подберете пехоту и догоните нас.

– Мой маршал, можете на меня положиться. Пушками можно хорошо загромоздить дорогу... С вашего разрешения!

– Идите. Айхенвальд, «Старых псов» давайте сюда. Им придется как следует покусаться.

– Безусловно, господин маршал.

– Да, и отправьте несколько человек из тех, кто знает язык, по деревне. Пусть жители берут что могут и убираются. Все, господа. Сейчас самое важное – порядок в колоннах и быстрый поворот. Если мы устроим толкотню и давку, все усилия Стоунволла окажутся бессмысленными.

– Мой маршал!..

– Да, полковник?

– Мой маршал, мы можем вывезти пушки. И мы можем драться. Уходить – это позор! Если занять позицию за тем двойным пригорком...

– Хватит. Вы пока не Алва, чтобы в меня стрелять, и мы еще не проигрываем.

Глава 8

Талиг. Оллария.

Дриксен. Фельсенбург

400 год К.С. 9-й день Весенних Молний

1

Фердинанд не покончил с собой: его придушили подушками и повесили. Пришедший в Багерлее вместе с Мореном гарнизонный капитан пережил бывшего начальника. Он так и ходил в помощниках коменданта, пока не получил тайный приказ, каковой и исполнил умело, тщательно и равнодушно.

Следов не осталось. Никто не видел, как убийца достает из тайника запасные ключи от нужного флигеля. Никто не знал, что они вообще существуют...

Капитан был предусмотрителен и не делал ничего необычного. Он ежедневно после полуночи обходил внутренние дворы, обошел и на этот раз. Спокойно пересек освещенную фонарем площадку, пожурил клюющего носом часового и отправился дальше, ни на миг не задержавшись у стоящего особняком домика. Разбуженный солдат запомнил, как помощник коменданта в привычный час проследовал при-

вычной дорогой, чтобы с нее сойти, когда часовой, проводив взглядом начальство, сунет руку за пазуху, где таилась фляга. Неслышно повернулся ключ, приоткрылась ухоженная дверца. В конце коридора храпел еще один караульщик – его не опоили, он просто пригрелся в полутьме возле остывающей печки. Еще одна дверь, еще один спящий человек, на этот раз нужный... Теперь положить на лицо подушку и чуть придушить: бесчувственного «самоубийцу» проще поднять и перетащить под крюк. Несколько минут на то, чтобы закрепить веревку, повесить тяжелое, еще не мертвое тело, опрокинуть стул и проверить, не осталось ли следов. Не осталось. Теперь запереть двери и продолжить обход, распекая нерадивых солдат и перебрасываясь с дежурными офицерами замечаниями о погоде. Такая обычная ночь...

Мэтр Инголс был великим рассказчиком – нарисованная им картина стояла перед глазами и не желала меркнуть. Ночь смерти Фердинанда. Утро последней и окончательной смерти Альдо. Бывшего сюзерена, которого следовало пристрелить еще в Агарисе, когда затевалась варастийская резня.

– Я не понимаю, – с усилием выговорил Робер, – как вы сумели доказать?

Мэтр Инголс довольно усмехнулся и пощекотал кончиком пальца Клемента. Законник заслуженно гордился успехом, это Роберу было мутно.

– Мне не следовало спрашивать. У каждого искусства свои секреты.

– Несомненно, – Инголс смочил в вине корочку хлеба, припудрил сахаром и протянул его крысейшеству, – но этот секрет я вам раскрою. На случай, если ее величество пожелает узнать подробности, и на случай, если вам понадобится кого-нибудь тайно убить. В последнем лично я глубоко сомневаюсь.

– Я так уже убивал, – непонятно зачем признался Эпинэ.

– Очевидно, при подстрекательстве вашего покойного друга? – нетерпеливо угадал законник, ему явно хотелось продолжить рассказ. – Забудьте и слушайте дальше. Мне облегчило задачу старое знакомство с господином Пертом и его супругой. Очень достойная пара.

– Вы давно их знаете?

– Достаточно. Как адвокату, мне доводилось бывать в Багерлее. Перт принадлежит к тем, кто незаменим, когда все идет гладко, и четырежды незаменим, когда начинаются неприятности. К тому же он всецело предан...

– Своей тюрьме, – припомнил шутку Рокслея Робер.

– Нет, своему отечеству. Это случается и с тюремщиками. Перт пользовался заслуженным доверием Фердинанда. Накануне своей смерти последний просил оградить его от визитов герцога Окделла. Фердинанд с аппетитом поужинал и заказал на следующий день к обеду рыбу и пирог с творогом и черносливом. Совершенно очевидно, что он не собирался умирать и не желал смерти. Осмотр тела ничего не дал, вернее, подтвердил, что король умер в петле. Постель была

разобрана, но не смята. Казалось, в ней вообще не спали, и это стало первой уликой. Слуги показали, что Фердинанд успел лечь, и он не стал бы перед смертью взбивать подушки и расправлять простыни. Это сделал убийца: излишне смятая постель могла навести на подозрения, а Фердинанд наверняка елозил руками, пытаясь вывернуться...

Перт был потрясен случившимся, но не растерялся. Он понимал, что короля, а для Перта Фердинанд оставался королем, могли убить только по приказу Альдо. Допрос стражников ничего не дал, разве что комендант окончательно уверился в их откровенности и невиновности. Тогда Перт принялся думать об убийце. Это был кто-то из Багерлее, достаточно сильный, умелый и хладнокровный. Кроме того, он должен был получить приказ извне. В первую очередь под это описание подходил помощник коменданта, появившийся в Багерлее вместе с Мореном, но нельзя было исключать и других. Бесспорным было одно: у душителя имелись копии ключей, которые могли изготовить лишь при Морене и от которых убийца должен был избавиться до обнаружения убийства. Помощник коменданта мог это сделать во время обхода, когда шел привычной дорогой, время от времени показываясь стражникам.

Искать улики и бить тревогу, пока в городе распоряжается узурпатор, Перт не стал, он поступил умнее. Усилил охрану внутренних дворов и приставил надежных людей к тем, кто ходил на убийц и имел возможность убить. Следили

так, чтобы подозреваемые это заметили. Теперь преступник не рискнул бы уничтожить улики. Комендант не сомневался, что ключи лежат там, где их оставили, и оказался прав. Мы их нашли в водосточном желобе, когда прошли дорогой помощника коменданта от места убийства до комендантского дома. Оставалось связать их с нужным человеком.

– Я уже знаю, что вы правы. – Робер прикрыл ладонями глаза. Не от усталости, просто это стало привычкой. – Но убийца рисковал. Другое дело, вернуться под утро...

– ...предварительно прокравшись от комендантского дома до центральных дворов мимо всех постов?

– И все равно я бы не рискнул убивать во время обхода.

– Вы бы и попались сразу, а этого господина с трудом удалось загнать в угол. Будете слушать как?

– Да.

– Сперва его свели со стражником ближайшего после флигеля Фердинанда поста. Солдат показал, что господин капитан выглядел слегка запыхавшимся. Затем настал черед супруги одного из старших смотрителей. Эта дама в Багерлее славится своим легкомыслием. В интересующую нас ночь она отправилась на встречу с любовником. Разумеется, заслышав шаги, она спряталась в одной из ниш, но женщины по своей природе любопытны. Прелестница разглядела, как господин помощник коменданта поднялся на выступ и что-то положил в водосточный желоб. Женщина не поняла смысла увиденного, кроме того, ей не хотелось признаваться

в своих похождениях, но госпожа Перт ее уговорила.

– Иногда я начинаю верить в справедливость. – Люра, Морен с Кавендишем, Альдо... Их смерти слишком разбавлены чужими, чтобы считаться возмездием, но гулящая бабенка, оказавшаяся в нужное время в нужном месте... Это и впрямь похоже на вмешательство провидения.

– В справедливость не верят, ей служат, а верить следует в разум. У нас были убийство, убийца и ключи в водостоке. Не хватало только свидетеля, и я узнал у госпожи Перт, кто бегает ночами по Багерлее. Красотка ничего не видела – видели ее, и этого было достаточно. Дальше все пошло как по маслу. Женщина, не желая разглашения собственных тайн, охотно согласилась «опознать» убийцу, а тот оказался легковверным. Особенно оказавшись перед выбором: остаться в кабинете коменданта или же спуститься в хорошо ему знакомый подвал.

– А если это не он?

– Он, герцог, он. Я не имею обыкновения доверять чужим словам, даже самым своевременным и удобным. Капитан знает то, что может знать лишь убийца. Его показания надлежащим образом записаны и заверены. К ним приложены ключи и два «Полных прощения», подписанных Альдо Раканом. Первое дано в день отставки Морена, второе – во второй день Весенних Ветров, что само по себе является уликой.

Удрать от сестер было нетрудно, но это мало что меняло. После отъезда Гудрун Руппи оставляли одного лишь в спальне, да и то под дверью всю ночь болтались слуги. Лейтенант не представлял, что накатило на маму, вернее, представлял, но это было слишком глупо и недостойно «волшебницы Фельсенбурга». Проклятье, это было глупо и недостойно даже жены буфетчика!

Молодой человек подавил желание кусаться и поднял скатившийся с колен сестрицы золотистый клубочек. Агата даже не улыбнулась, Дебора гордо сунула за щеку леденец – обе были в сговоре и дулись на брата из-за отложенной поездки. Подошел красноглазый Генрих, молча передал два письма, зевнул и убрался, загребая ногами скошенную поутру траву. Руппи с трудом сдержал вертящуюся на языке гадость – Генрих ползал, как привидение, потому что ночами сторожил наследника фамилии. Можно подумать, моряку нужны двери и лестницы! Захоти Руппи отправиться на прогулку, он бы воспользовался дымоходом или окном гардеробной.

Осознание того, что вопреки уверенности домочадцев он отнюдь не в клетке, и удерживало лейтенанта от бунта. До поры до времени. Руппи каждое утро клялся не замечать дрожащих маминых губ и «чужого», слишком ровного голоса. И выдерживал. Просить прощения было не за что, а любой

разговор окончился бы слезами и выдавленными обещаниями, которые пришлось бы нарушить.

Руперт фок Фельсенбург не собирался замуровывать себя в розовой пещерке, но ощущать себя извергом было еще гаже, чем собакой на сворке. Если б не память «Ноордкроне», он бы сдался и пополз утешать, заверять, отречься, а так... Хотите следить – следите. Он читает письма, а после обеда, как всегда, займется медициной. Он совершенно спокоен и думает о большом круге кровообращения, а не о том, что через час садиться за общий стол и поддерживать разговор об ирисах, погоде и достоинствах блюд, у которых последние дни вообще нет вкуса.

Лейтенант опустил на украшенную венками скамейку и, чувствуя неприязненный взгляд сестер, открыл первый футляр. Герцог Альберт коротко сообщал сыну, что приедет после Коронного совета,³ и велел до его возвращения не покидать замок. Бабушка была откровенней.

«...я написала своей дочери, что вам всем следует оставаться в Фельсенбурге. Этого достаточно, чтобы ее осчастливить, но у Вас большие соображения, чем у переев-

³ Высший государственный орган Дриксен носит название **Совет Трех и Семнадцати**. Кроме кесаря и герцогов Штарквинд и Фельсенбург, в него входят семнадцать «великих баронов», потомков тех, из чьих владений образовалась нынешняя Дриксен. В первые годы существования кесарии Совет собирался часто и его решения были обязательными, позже большинство полномочий перешло к **Коронному совету** (в составе кесаря и глав фамилий Штарквинд и Фельсенбург), в который после Двдцатилетней войны с правом совещательного голоса были введены важнейшие сановники.

шей незабудок косули. Насколько я понимаю, Вы не склонны исполнять приказы, если они Вас не устраивают, что немало заботит Вашего непосредственного начальника. Меня это свойство Вашего характера скорее радует, поэтому я отдаю Вам предпочтение перед прочими своими внуками.

Надеюсь, Вы понимаете, что обзавелись очень неприятным врагом, к счастью обладающим деревянной башкой. Я ничего не поняла из объяснений своей бестолковой дочери и не верю ни единому слову Гудрун, но это сейчас и не важно. Ваша лопающаяся от избытка соков двоюродная тетка, как и следовало от нее ожидать, взъелась на Вас и брата Вашего отца. Дайте ей время успокоиться, эта дура не умеет злиться долго, скоро она поймет, что выставляет себя на посмешище, и замолчит. Если же нет, придется надеть ей браслет, но герцогиней Фельсенбург Гудрун не бывать. В крайнем случае она получит Мартина, благо лосихи ему не в диковинку.

Передайте Агате и Деборе, что им придется вышить еще несколько покрывал. Я не могу сейчас тратить время на войны с оскорбленной коровой и нежелательными женихами, но было бы неплохо, если б Вы рассказали сестрам о Вашем пребывании в Талиге. Девицы на выданье должны видеть дальше горных елок. Остальное с Вами обсудит отец как глава дома и мужчина, хотя в последнем я порой сомневаюсь. Альберту Фельсенбургу, будь он мужчиной, следовало бы командовать армией, а не пестовать страхи своей

эжены.

Надеюсь на Ваше благоразумие. Сомнений в остальных Ваших качествах у меня нет.

Благосклонная к Вам Элиза фок Штарквинд».

3

Мэтр Инголс наскоро погладил Клементу и откланялся. Законнику предстоял регентский совет, Роберу тоже, но сперва надо было сказать сестре, что она в который раз оказалась права.

Робер извлек из корзинки с хлебцами его крысейшество и водрузил на плечо. Легче стало, но не слишком. Вино тоже не поможет...

– Данжа!⁴ – произнес по-бирисски Робер, вспоминая чужое небо и чужие смерти. Первые смерти, посеянные Альдо ради мыльного пузыря по имени Золотая Анаксия.

– Монсеньор, – доложил болтавшийся в прихожей Сэц-Ариж, – генерал Карваль.

– Давай его сюда...

Хоть что-то раз в жизни случилось вовремя.

– Монсеньор, что с вами?

– Налейте вина, Никола. И себе тоже. Я приказываю.

– Монсеньор, произошло что-то дурное?

– Мэтр Инголс отыскивал доказательства. Фердинанда уби-

⁴ Сволочь, подонок.

ли по приказу Альдо Ракана.

– Да, я слышал. – Маленький генерал явно ни кошки не понимал в чувствах начальства. – Все было так, как предполагала ее величество.

– Мне сейчас с ней говорить... Катари должна все узнать до регентского совета. Никола, я помню, что вы думали об Альдо и о нашей с ним дружбе... Так вот, я с вами согласен. Полностью. С вами, с Левием, с Дугласом... Леворукий, да наливайте же!

– Сейчас. Монсеньор, я не думал, что убийство его величества так изменит ваше мнение о Ракане. Узурпатор неоднократно сожалел о том, что после появления Алвы вы остановили казнь. Он поступил последовательно, только и всего.

– Я понимаю, что выгляжу болваном. Дело не в убийстве, не только в убийстве... Альдо заставил нас поверить, что Фердинанд это сделал сам. Я – ладно, я Оллара не любил, и я и так по горло в крови, но для Катари самоубийство – смертный грех. По своей несчастной привычке во всем винить себя она могла решить, что невольно подтолкнула мужа... А с Диконом еще гаже! Альдо убедил дуралея, что все вышло из-за их с Фердинандом ссоры...

– Ваше вино, монсеньор. Вы не станете возражать, если я передам Джереми Бича на попечение коменданта Перта? Поганец будет полезен во время суда над Манриками, а в Багерлее людей Морена больше нет.

– Передавайте. – Дику Карваль сочувствовать не станет, в

лучшем случае промолчит. Красноречиво. – Никола, вы ведь пришли о чем-то доложить? Ну так докладывайте.

– Вернулся Дювье. Монсеньор, мы ошибались. На Надорском тракте нет мародеров. Это опять землетрясение. Разрушены мосты через Лукк, кроме того, в предгорьях Надор случился сильный оползень. Судя по всему, дорог на северо-восток больше нет.

– Люди?!

– Вроде бы ушли. По крайней мере те, что жили на нашем берегу Лукка. Собаки предупредили и зверье. Оно бежало, не обращая внимания ни на людей, ни друг на друга. Волки, косули, кабаны, лисы, зайцы... Все вместе, как от лесного пожара. Народ понял и снялся с места. Те, кто пошел на юг, скоро будут у Кольца, но там им делать нечего – ни жилья, ни работы, ни запасов. Боюсь, беженцы потянутся в Олларию. Надо же им куда-то идти.

– Долбжите на совете... Подумаем, куда их девать...

– И чем кормить, – подсказал Никола. – Монсеньор, нужно поторопить регента и послать к Дораку. Он не должен рассчитывать на наше продовольствие.

– Вернее, нам потребуется *его* продовольствие. – Робер снял с плеча возмущенного – еще бы, оторвали от еды, а теперь – вон?! – крыса. – Что ж, будем побираться. Никола, вам не кажется, что мы тонем и чем больше дергаемся, тем сильнее увязаем?

– Нет, монсеньор, мне кажется, мы выбираемся. Вот после

появления Ракана... Мы даже не тонули, нас подхватило и понесло, как какую-то солому. Мне это очень не нравилось.

– Я видел. Будет глупо, если мы так и не выпьем. Берите бокал, барон Карваль. Ваш тост.

– Здоровье ее величества.

Глава 9

Дриксен. Фельсенбург.

Талиг. Оллария

400 год К.С. 9-й день Весенних Молний

1

Зубрить в библиотеке и не думать о Гудрун не получалось, и Руппи перебрался со своей медициной на балкон Ручейной башни. Здесь ему никто не мешал, ну, или почти никто... Лейтенант торопливо перевернул страницу, скрывая от непрошенных гостей картинку с человеком без кожи, но явились не сестрицы и даже не Генрих, а дядя Мартин, с которым Руппи теперь здоровался и то с трудом.

– Ну ты и забрался, – посетовал дядя. – Крылья отращаешь?

– Почему бы и нет? – Молодой человек перевел взгляд на вспоровшего синеву стрижа. Летать во сне будущему герцогу доводилось не раз, это были восхитительные сны, но в жизни как-то не тянуло.

– Леворукий знает что... – проворчал Мартин. – Даже не знаю... Нет, Альберт должен был жениться, иначе его наследником остался бы я, и жениться пришлось бы уже мне...

Охотник замолчал, подбирая слова. Начало вышло многообещающим: Мартин брался рассуждать о своей женитьбе, лишь затевая нечто необычное и требующее подготовки. Например, охоту в Седых землях, обошедшуюся Фельсенбургам во столько же, во сколько кесарю обходится линеал. И принесшую, ко всеобщему удивлению, изрядную выгоду.

– Даже не знаю... – Мартин требовательно взглянул на племянника. – Лотта меня, если что, затопчет. У ланей острые копытца, а уж эта всем ланям лань!

– Ты опять бросил во дворе что-то окровавленное? – предположил Руппи. – Знаешь же, мама боится мертвых зверей.

– До Осеннего Излома охоты нет, – с укоризной напомнил дядя. – Я ездил в Шек и встретил там одного парня... Он искал тебя, но нарвался на Генриха. Тот наврал, что ты уехал в Верхний Фельсенбург и вернешься не раньше чем через месяц, но малый оказался не промах и вцепился в меня.

– Он назвался? Можешь его описать?!

– Премьер-лейтенант флота. Очень настойчивый и недоверчивый. Постарше тебя лет на пять... Рыжий как морковь, на левом ухе – шрам. Уверяет, что ты его помнишь.

– Помню, это Диц. Он был адъютантом Олафа до меня... Я должен его увидеть!

– Диц, – задумчиво повторил дядя. – Хельмут Диц, да, так он и представился. Он передал тебе письмо. И я взял. Даже не знаю...

– Оно у тебя?!

– Да... Говорю же, Лотта меня затопчет.

– Не затопчет, застрелит. Из твоей же аркебузы и бросит во дворе. Где письмо?

...Знакомый почерк, по-прежнему ровный и четкий. Беспокойство о здоровье. Восхищение герцогиней Штарквинд. Уверенность в том, что два предыдущих письма пропали. Понимание того, почему так случилось. Извинения за то, что Диц проявит невежливость и будет настаивать на личной встрече. Руперту не следует волноваться – кесарь знает, кому обязан потерей Западного флота, но возникли непредвиденные обстоятельства, которые адмирал должен обсудить со своим адъютантом лично. Крайне желательно сделать это до того, как Руперт увидится с отцом, по словам герцогини выезжающим в Фельсенбург сразу же после Коронного совета. Не менее важно, чтобы о встрече, до того как она состоится, не знал никто, кроме двоих адъютантов – прошлого и нынешнего. Встретиться лучше в тихом месте на окраине Шека или, в крайнем случае, поблизости от города. Руперт знает окрестности, поэтому выбор места за ним, но изменить время не получится – Кальдмеер появится в ночь с десятого на одиннадцатый день Весенних Молний. Диц проводит адмирала на условленное место и проследит, чтобы собеседникам не помешали.

– Дядя, почему Хельмут отдал тебе письмо? Что ты ему сказал? Что ты на самом деле сказал?

– Даже не знаю... Что в замок его не пустят, а если пу-

стят, наедине вас не оставят, но я на вашей стороне. В твои годы самое время служить кесарю и приличному начальству, а юбки обойдутся. Для материнской – поздно, для жениной – рано... Этот Диц ждет ответа, я обещал привезти.

– Дядя!

– Я тоже ходил в адъютантах, – напомнил Мартин. – Фельдмаршал был мной доволен, потом он поймал пулю, и нам подсунули Бруно... После старины Ади – эту недодоедную корову!.. Брр!

– Олаф хочет видеть меня послезавтра ночью, – пресек поток воспоминаний Руперт, – потом ему нужно в Эйрхехт: ожидающий суда не должен покидать столицу без ведома кесаря... В замке нам нельзя... Давай у Форелевой...

– Обалдел? – ласково предположил охотник. – У текущей воды по ночам девицы стадами бродят. Лягушатник зацвел.

Ну и болван же он! Забыть о дурацком девчоночьем поверье, а ведь Агата с утра вытащила у Деборы из-под подушки несчастный цветочек и сунула в куртку Генриху. Слез было...

– Твой Кальдмеер наших краев не знает, – напомнил Мартин, – а плутать в темноте по лощинам – дело гнусное, да и некогда ему. Быстро переговорили – и назад.

– Я помню. – Удрать тайком не выйдет – лошадь через стену не перебросишь, а пешком – далеко. Нужен сообщник... – Мартин, давай отправимся куда-нибудь вместе. Иначе мне не выбраться.

– Съездим, – с ходу согласился бывший адъютант. – Давай решать куда. Адмирал цур зее – не девица, ему по росе бегать не по чину, да и заметить могут. Даже не знаю... Может, у Осенних боен? Там по ночам сейчас никого.

Лучше не придумать! Бойни у самой дороги, если из Шека повернуть к Фельсенбургу, мимо не проедешь. Ну, отстал немного, задержался. Ровно на столько, чтобы поговорить.

– Спасибо, Мартин, – от души поблагодарил Руппи. – У боен ты поедешь вперед, а я тебя догоню...

– Кошки с две! – Дядя скривился, словно раскусил зеленое яблоко. – Одного я тебя не оставлю, не надейся, да и Лотта тебя без овчарки не пустит... Леворукий, как хорошо, что женился Альберт, а не я!

– Подожди, – утешил Руппи и отчего-то хихикнул. – Еще женишься. На Гудрун. Тебе больше пятьдесят, чем шестьдесят, а ей всего-то тридцать один.

Такой смеси бешенства и... блаженства на дядиной физиономии Руперт еще не наблюдал.

2

– Мы сможем их всех накормить? – тревожно спросила Катари. Сестра была уже готова к выходу – черный бархат, высокая церемониальная прическа, небольшая, но наверняка тяжелая корона. Такое Матильду и то бы утомило. – Сможем?

– Накормим, – пообещал Робер. – Что нам еще остается? Только попросим у Ноймаринена хлеба, и потом... есть еще совет Южных провинций. – А если б не два мерзавца с гоганами, была бы еще и Вараста... Подлости не счастье, прошлым становятся не скоро.

– Они пришлют, – не очень твердо произнесла королева, – должны прислать.

Уверенности в том, что южане захотят и, главное, смогут прокормить не только себя, разросшиеся армии и столицу, но и надорских беженцев, у Робера не было. У Катари, кажется, тоже: она честно читала все поданные на подпись бумаги. Эпинэ больше не удивлялся, когда Катарина разбиралась в каком-нибудь деле лучше его, но крепче сестра от этого не становилась, а радостней – тем более.

– Я получила письмо из Савиньяка. – Женщина поднесла руку к голове и тут же отдернула – не хотела показывать, что болит. А у кого под такой фортификацией не заболит?! – Графиня готова приехать. Хорошо, что свидетелем рождения моего сына станет именно Арлетта... Я ей верю.

– Жозина... моя мать Арлетте Савиньяк тоже доверяла. – Робер глянул на часы – до совета еще больше часа, но лучше не тянуть. – Утром приходил мэтр Инголс. Ты угадала, Фердинанда Оллара убили. Помощник коменданта во всем сознался.

– Это правда? – быстро спросила Катарина. Робер не понял, и сестра слабо улыбнулась. – Я о признании. Фердинанд то-

же... признавался... И другие, те, кого хватали при Манриках... В Багерлее часто говорят то, что нужно сильным. Я бы не хотела, чтобы в угоду... Нет, не так! Я не хочу, чтобы людей вынуждали лгать. Даже негодяев. Даже чтобы меня успокоить.

– Расспроси мэтра сама. – Как же они с Катариной похожи этими своими сомнениями! Вечными, мучительными, неотступными.

– Зачем? – Катари снова поднесла руку к голове и вдруг рывком сорвала корону. – Не могу больше! Тяжело... Робер, я хочу, чтобы мне рассказал все ты. При тебе я... я не регент... Я могу быть просто дурочкой из Гайярэ, я даже зареветь могу.

– Реви, – разрешил Иноходец, чувствуя, что перехватывает его собственное горло. – Ты реви, а я буду рассказывать. Комендант не поверил в самоубийство. Он не дурак, этот Перт, и он накануне вечером был у...

– Называй его Фердинандом, – помогла Катарина. – Он был не королем, не Олларом, а просто человеком. Хорошим, но и только.

– Мне его жаль, – признался Робер. – Теперь жаль, зато Альдо – нет, только Матильду и Дикона... Это сейчас, конечно, не главное, но что с парнем будет? Регент, то есть Ноймаринен, дал полное прощенье всем членам твоего совета, но ведь Окделл в нем не значится?

– Нет, как бы я могла... Вы делаете то, на что не гожусь

я, все держится на вас, это видят... Горожане помнят, чем вам обязаны, особенно тебе и Карвалю, а что они знают об Окделле? Он был оруженосцем Алвы и занял его дом. Он был цивильным комендантом, когда случилась Дора. Он был супремом, когда убили Фердинанда. Что подумают о вдове короля, если она включит Окделла в регентский совет, и что он станет делать в этом совете?

– Ему там делать нечего... Альдо поступал подло, прикрывая Диком свои делишки, но я о другом. Что будет с Диком, когда ты...

– Когда я рожу? – Рука сестры легла на живот, личико стало мечтательным, почти счастливым, но это длилось лишь мгновенье. – Робер, я не представляю, что мне делать... Я ему... Ричарду гожусь если не в матери, то в тетки, и я не знаю, от чего устала больше – от мужской слабости или от мужской глупости и навязчивости. Фердинанд был только слаб, а Окделлы, что отец, что сын... Только бы Дженнифер Рокслей удалось его занять...

– Дженнифер? – не понял Робер. – Занять Дикона? Чем?

– Ей нравятся титулы и молодые люди. – Катари задумчиво накрутила на палец светлую прядь. – Робер, я хочу, чтобы у нее вышло влюбить в себя Окделла. Для себя хочу, и думай обо мне что хочешь!

– Закатные тва... Прости, это же немисливо. Дженнифер уж точно годится Дикону в тетки.

– Зато она красивее меня и... опытней, а мальчик ей ну-

жен... Жаль, что он так тщеславен... – Сестра продолжала сосредоточенно крутить локон, но вряд ли осознавала, что делает. – Не будь я королевой, Окделлы на меня бы и не взглянули – ни старший, ни младший.

– Прости, ты сейчас говоришь что-то не то... Пусть Эгмонт ошибся, пусть стал преступником... Так же, как и я, но он ничего не искал для себя – только для Талигойи. Ему просто не повезло. Бедняга женился по принуждению, а сам любил другую. Всю жизнь.

– Мне жаль тебя разочаровывать, – грустно сказала Ката-ри. – Эгмонт всю жизнь любил одного себя. Нового Алана. Безупречного рыцаря. Спасителя Талигойи. Живым рядом с ним места не было, он их просто не видел... Никого. Ни обманутых арендаторов, ни обманутых друзей, ни обману-тых женщин... Он считал обманутым себя, потому что дру-гие хотели жить, а не... Не становиться балладой про герцо-га Окделла.

Я видела его жену, она приезжала за Айри... Вот ее мне было жаль, потому что она любила супруга. Так любила, что превратила себя и свой дом в раму для его портрета. Это Мирабелла создала балладу о благородном Эгмонте и ковар-ном Алве, она, не он! Эгмонт был на это не способен, он не замечал настоящей любви и преданности, ведь они были у его ног и в его постели.

Окделл рассказывал мне о своем «великом» горе. Я была глупа, я его утешала... В семнадцать лет мы горазды верить

балладам, жалеть мужчин и осуждать женщин. Потом я поняла... Та девушка, Айрис, не захотела иссыхать, а Эгмонт был не способен сделать хоть что-то сам и не для себя. Вот и вся трагедия надорского мученика! Вот из-за чего... Из-за кого погиб Мишель... твои родные, и не только они! Робер, я не могу, не хочу все время видеть это лицо! Даже ради тебя... Я вижу не Дикона, я вижу Ренкваху, и мне становится... плохо!

Катарина оставила волосы в покое и сцепила пальцы. Малышке не хватало ее четок, но, став регентом, сестра перестала быть эсператисткой, по крайней мере внешне.

– Никогда ничего не делай ради меня! – Легко сказать... Она же по-иному просто не умеет! – Прошу тебя! Ты не обязана принимать Окделла, и ты не обязана... считаться с моей любовью. Марианна понимает, что во дворце ей не место.

– А вот тут ты ошибаешься. – Лицо Катарина просветлело. – Я принимаю баронессу Капуль-Гизайль ради себя. Я понимаю, почему ты выбрал ее. Рядом с ней не так холодно. Она как... лето. Земляничное, доброе, сладкое... Не теряй ее!

– Пока я ей нужен...

– Ты будешь ей нужен всегда, я это вижу. Кто-то идет, а я опять испортила прическу...

– Ваше величество, – доложила какая-то новая дама, – герцог Окделл просит уделить ему несколько минут для частной беседы.

– Хорошо, Лора... Проводите его в малый будуар и позо-

вите камеристку. У меня испортилась прическа...

– Да, ваше величество.

– Ты же не хотела...

– Я и не хочу... Наверное, я умею спорить только с... теми, кто сильнее... Мне остается надеяться на Дженнифер.

– Ты меня недооцениваешь. – Робер распахнул дверь в Малую приемную как раз вовремя, чтобы окликнуть блистающего золотом Дикона. – Ричард! Как ты себя чувствуешь? Продержишься недельку в седле?

– Я здоров. – Так оно и есть. За два месяца ключица срастется даже у старика.

– В Надорах опять землетрясение. Завалило тракт, много беженцев. Нужно понять, что там творится. Мы с ее величеством как раз думали, кто туда отправится.

– Я хотела просить Рокслея. – Катарина виновато опустила глаза. Как же она не любит лгать и огорчать других! – Но Дэвид занят с гвардией, и потом... ему будет тяжело. Создатель, ты же тоже!.. Робер, мы об этом не подумали. Посылать в Надоры Рокслея или Окделла – это хуже... чем на кладбище!

– Закатные твари! – Он и впрямь дурак. Редкостный. Непрошибаемый. – Разумеется, Дикону там делать нечего. Пошлю Сэц-Арижа, он справится.

– Сэц-Ариж не член регентского совета, – отрезал Дикон, глядя на Катари. – Ваше величество, я счастлив служить вам и Талигу везде, где я нужен. Окделлы не боятся прошлых

потерь.

– Спасибо, Дикон, – голос Катари чуть дрогнул, – но я не могу... Я не хочу принимать такую жертву.

– Это не жертва. Это служение. Я прошу ваше величество поручить это дело мне, и только мне.

– Хорошо, герцог. Мы поручаем это вам.

3

Мартин уехал, не было и полудня, а сейчас почти восемь, пора бы и вернуться. Неужели они с Дицем разминулись? Или что-то случилось? Если за рыжиком следили...

Моряки на суше беспечны, особенно в своей стране. Понадобилась пуля, чтобы Руперт фок Фельсенбург перестал дуться на навязавшего конвой фельдмаршала, а ведь Хельмут один. На такое дело охрану не потащишь, да и нет у Олафа никакой охраны. Это на море адмирал вправе приказывать кесарю, а в Эйнрехте Кальдмеер – выскочка. Сын оружейника. Враг Бермессеров, Хохвенде, фок Ило, Марге-унд-Бингауэров, Хоссов... Хоть бы бабушка помогла, но герцогиня вне себя из-за этой... Гудрун и не знает, чему и кому верить. Делать им с Мартином нечего, как раздевать принцессу! Да у нее живот как у отставного боцмана, с таким не потанцуешь, хотя дядюшка от восторга рот открыл.

– Руппи, мы должны поговорить по душам.

Может, мама и не волшебница, но возникать из тишины

она умеет. Как... туман.

– Да, мама.

– Ты себе места не находишь, я же вижу... Я надеялась, что это пройдет, но ты беспокоишься, и я знаю из-за чего. Это так неприятно... Это недостойно тебя!

Недостойно Фельсенбурга не находить себе места из-за какого-то Кальдмеера? Проклятье, нужно быть спокойным или хотя бы казаться. Если хочешь уехать без слез и споров, а потом сделать дело. Ну почему она решила заговорить не вчера, не завтра, а сейчас?!

– Я должна знать, что с тобой. Должна!

– Мама, не волнуйся, мне просто... немного скучно. Я – морской офицер. Я не могу только есть и спать, особенно во время войны. Я очень люблю тебя и сестер, но... Честное слово, у меня все в порядке.

– Нет, – золотая головка склонилась к плечу, – у тебя не все в порядке. Я зря позволила Гудрун остаться, но я не могла подумать, что она такая... Такая дурная и навязчивая женщина, а вы с Мартином, оба... Нет, я вас не виню, все мужчины таковы. Вы принимаете доступность за... за свою неотразимость, а Гудрун вы не нужны. Можешь мне поверить.

– Мама, ты что?! – Теперь понятно, откуда бабушка взяла про браслет! – Да будь она четырежды Дева Дриксен, она же... лосиха!

– Тогда о чем вы говорите с Мартином? Раньше ты с ним

не шептался.

– Леворукий!.. Извини, мама, но ты... ты говоришь глупости!

– Какой мужской ответ... Ты вырос, тебя теперь не удержишь, пока ты не получишь, что хочешь, или не погибнешь, а она тебя погубит! И тогда... Я тоже умру, я тебя не переживу!

– Мама, я не люблю Гудрун! – Ну с чего, с чего она вообразила такую чушь?! – Мартин как хочет, а мне... мне мясистые не нужны. Они – для земли, с ними нет танца...

– Я хочу тебе верить, – дрожащие губы, глаза блестят от слез, – хочу, но я слишком хорошо вас всех знаю... Вас, мужчин... Дочь Готфрида, гордость кесарии... Она привыкла соблазнять, ей можно! Ей все можно...

– И пускай, – уверенно сказал Руперт. – Меня это не касается, я на ней жениться не собираюсь.

– Я тебе не верю, – прошептала герцогиня, и Руппи понял, что ошибся и ошибка оказалась роковой. – Ты об этом думаешь, иначе бы не говорил о женитьбе. Ты только об этом теперь и думаешь. Еще бы, ведь она так ластится. Привезла орден, заманила в библиотеку...

– Мама, никто меня не заманивал, я шел писать письма... Письма! Ларсу и Людвигу. Ты сама меня послала.

– Тогда почему она разделась?

– Я уже говорил! Она уже там была... Она... Она, наверное, уснула. Некоторые люди во сне ходят, что-то делают...

– Или ты... глупец, или лжец! Гудрун все подстроила, чтобы тебе показаться! Она гордится своим телом, иначе б не пускала к себе художников.

– Тебя тоже рисовали, и не раз.

– Да, но при этом присутствовала замужняя женщина и я была одета, а когда встретила твоего отца, отказалась от всего... От Эйрехта, от мужского внимания, а оно было! Я – внучка и племянница кесарей, и я многим нравилась, хотя подо мной и не проседал пол.

– Тебя и сейчас обожают. Все, кто видит. Генрих за тебя шестнадцать раз умрет, не то что спрячет письма...

– Какой ты... безжалостный и злопамятный! Генрих – верный слуга, я ни разу... ни единого раза не подала ему повода. Ни ему и никому другому. Это твоя Гудрун заигрывает со всеми, но ее хозяин – Фридрих. Тебя она не любит! Ты ей нужен, чтобы Фельсенбурги признали бедного маленького Ольгерда слабоумным и отдали корону Фридриху, а потом она тебя убьет... Я умру, но не дам согласия на ваш брак! Я буду говорить с Готфридом, я соберу великих баронов и потребую развода! Хозяйка Фельсенбурга вправе это сделать!

– Какой развод, какая свадьба?! Мама, мне на все плевать, кроме суда над Олафом! Я хочу, чтоб Бермессера вздернули на рее. Понимаешь?! Иначе никто не успокоится – ни Адольф, ни Бюнц, ни Зепп, никто из них... Они погибли, я выжил. Я должен дать им покой, и мне никакая Гудрун не помешает, будь у нее хоть восемь грудей и четыре живота!

– Это правда? Ты можешь дать слово? Помнишь, как ты клялся, что не трогал мои гребни...

– Я их и не трогал! Будь по-твоему. Клянусь памятью «Нордкроне». Ты не знаешь, Мартин еще не вернулся?

– Вернулся. Он хочет взять тебя в Шек. Говорит, ты застоялся, а торговец привез охотничьи пистолеты. Морисские. Мартин говорит, ты ему нужен, ведь ты был в Талиге, видел морисское оружие... Я ему не верю, это все Гудрун. Я ее выгнала, теперь она через него...

– Мама, ты... Ты подумай. Если Мартину нужна Гудрун, зачем ему я? Он бы поехал к ней один.

– Да, конечно... Если только они вместе не задумали чего-нибудь страшного. Если с тобой и Михаэлем что-то случится, наследником Альберта становится Мартин.

– Да не нужно Мартину это! Неужели ты не видишь, что он не такой!

– Был не такой, но нельзя верить мужчине, если речь идет о женщине. О такой женщине. Самому Мартину наследство не нужно, но Гудрун...

– Не верю, и ты не веришь... Ты себя пугаешь. Ну почему ты выдумываешь всякие несчастья?

– Я не выдумываю, я их чувствую. Вы мне не верите, а я вижу... Если бы не я, твой отец бы уже погиб! К счастью для всех нас, он меня слушает, а вот мама Элиза... Она только и думает, как забрать тебя. Я знала, что тебя ждет на море беда, я говорила, а она...

– Ты ошиблась, беда ждала всех, кроме меня. Не надо бояться... жить! Жизнь – это счастье, а страх его убивает. Я поеду с Мартином и посмотрю на пистолеты. Уверю тебя, с нами ничего не случится.

– Хорошо. – Она устало опустила руки. – Мужчины все делают по-своему, ты – женщина, что я для тебя значу? Что я могу? Только плакать... Езжай...

Глава 10

Талиг. Оллария

400 год К.С. 10-й день Весенних Молний

1

Эрвин Ноймаринен вернулся раньше, чем собирался, и Робер был этому только рад. Присутствие в столице сына Рудольфа успокаивало, а уж когда явится графиня Савиньяк... За Альдо еще разгрести и разгрести, но главное удалось – мятеж в Эпинэ сошел на нет, мятежа в Олларии не случилось, а подлинный регент согласился со всем, что сделано при Катари. Обошлось. Закатные твари, обошлось!

– Если ты станешь уходить от меня с таким счастливым лицом, я опять найму «висельников», – пригрозила Марианна. – Или возмись за дело сама. На поднос можешь не рассчитывать – на этот раз будет ваза. Из тех самых, «валтазаровых»...

– Лучше затрави меня философами, – посоветовал Робер и глупо и счастливо улыбнулся. – Марианна, я...

Приличный кавалер засыпал бы возлюбленную клятвами, но у Иноходца как-то не выходило. Вернее, перестало выходить, когда пришла любовь. Раньше пустынькие слова ката-

лись, как горошины по барабану.

– Что «ты»? – передразнила баронесса. – Не можешь сам мадригал сочинить, найми кого-нибудь, мне уже перед Коко стыдно.

– Марианна...

– Иди уж! – Красавица поджала губы, но обиды в черных глазищах не было. – Любезных кавалеров много, а ты такой один...

Один... И слово тоже одно. Быть последним в роду, стать одним-единственным для женщины. Тоже единственной, и гори все закатным пламенем!

Подхватить любовь на руки, поднести к окну, за которым буйствует разноцветный живой огонь... Он так долго этого хотел, потому и выдумал себе рыжую гоганни. Бедная забытая девочка, как же перед ней стыдно за неистовость счастья, и все равно радостно!

– Мы живы. – Глупости сами слетают с губ, а поздняя весна дышит счастьем. – Мы пережили зиму, и я... я никому тебя не отдам.

– Не отдавай! Если сможешь.

– Конечно, смогу. Ты... ты чего?!

– Я всегда так... От радости... Нарочно – нет, нарочно не плачу, только смеюсь. Пусти.

– Не хочу.

– Тебя ждет Ноймаринен.

– Пусть ждет!

– Он приехал сюда. Не во дворец и не к тебе... Тут что-то важное. Иди. Нехорошо заставляя принцев ждать.

– Эрвин не принц, а моя королева – ты... Катари – только сестра.

– Тогда бывай у нее почаще. У меня были трава под ногами, небо... А теперь есть ты. У нее нет ничего и не будет... Ты наконец уйдешь?

– Уже уйду, только...

– погоди!

Снимает ожерелье. Зачем?! Но как же она красива! Красивее женщины просто не может быть.

– Возьми. Пусть оно будет с тобой! Всегда... как будто мы вместе.

– Ты... с ума сошла! То есть ты и так со мной... Говорю с Карвалем и вдруг вижу тебя. У окна. Ты стоишь и улыбаешься. Тебя там нет, а я вижу.

– Я хочу, чтобы ты его взял.

– Да что с тобой такое?!

– Ничего. Просто еще ничего не кончилось! Лето, оно только... Только до осени. Пусти.

– Как скажешь. Зачем весной об осени? Ты бы еще о старости заговорила...

– Старость – это прекрасно. – Марианна смотрела в сад, словно в горящий камин. – Старость – это много-много дней вместе... Без тебя мне старость не нужна. Без тебя она будет невыносима.

– Со мной ничего не случится.

– Не знаю, про тебя не знаю – не могу знать... И с Алвой не знаю. С Лионелем Савиньяком, с тем – да, не случится, с Валме, с Карвалем, даже с твоим Окделлом... Иди.

Уйдешь тут...

– Я скоро вернусь.

– Я знаю. Пусть все идет, как идет. Мы вообще могли не встретиться.

– Но ведь встретились... Марианна, я хотел поговорить с тобой и с Коко позже... Когда все кончится, то есть не все, а эта война, я попрошу твоей руки. Пусть твой муж берет все, что хочет, все, что у меня есть, но вы разведетесь! Катари на нашей стороне, она поможет.

Улыбка. Спокойная и такая домашняя. В гостиной она улыбается иначе. В гостиной она не плачет.

– Не загадывай.

– Ты мне не веришь?

– Верю, что ты этого хочешь, но наши желания... Весна не хочет кончаться, а цветы – вянуть, что с того? Если ты и вправду... решил, возьми жемчуг. Браслета, нужного браслета, у меня нет.

– Вместо браслета – возьму, а тебе найду браслет с рубинами, и ты будешь его носить. Разрубленный Змей, мне не нравится, как ты смотришь. И уходить не нравится.

– Ты не можешь сидеть со мной дни и ночи, у тебя Оллэрия и сестра. Сегодня ничего не случится.

Стук в дверь, царапанье, скулеж. Барон и собаки, собаки и барон, но идти в самом деле нужно. Теплые губы, теплый, нагретый *ее* теплом жемчуг...

– Поговорим вечером.

– Береги сестру. Ей страшно.

– Понятное дело, ей же скоро рожать...

– Мои дорогие! – Коко вкатывается в женин будуар со счастливой и вместе с тем растерянной улыбкой. – Я в восторге от молодого Ноймаринена, но он отказался от лунной форели и настаивает на немедленной прогулке. Робер, я приказал оседлать вашу лошадь, но это неправильно. Это совершенно неправильно!

– Констанс, – Марианна вновь стояла у окна, – я подарила Роберу свой жемчуг. На счастье.

– В самом деле? – Барон склонил головку набок. – В таком случае завтра нужно пригласить ювелира. Придется оправить флавионские топазы раньше, чем я рассчитывал, но к ним прекрасно пойдет застежка работы Борю, просто восхитительно... Герцог, езжайте и ни о чем не волнуйтесь. Все будет сделано, а форель мы подадим к обеду.

2

Ехать не хотелось совершенно. Именно не хотелось. Влезать в седло, трястись разбитыми дорогами, ночевать в трактирах, считать беженцев и провалившиеся мосты... С этим

справится любой, к тому же с Надорами все ясно. Недаром вода в Данаре не желает спадать, откуда-то она берется, то есть не откуда-то, а из подземных озер. Подземные воды стекают в Данар, образуются пустоты, в них рушатся верхние пласты почвы, эхо обвалов распространяется в разные стороны, заставляя скалы дрожать и вызывая новые обрушения. Пока не заполнятся все пещеры, обвалы не прекратятся – чтобы это уразуметь, незачем тащиться к Лукку, достаточно прочесть хотя бы один труд по землеописанию!

– Монсеньор, кушать подано.

– Я слышу.

И зачем он только даже не согласился, напросился?! Катари не хотела его отпускать, да и Иноходец... Робер считает, что перед ним не Повелитель Скал, а какой-то анемон! Потери живут в сердце, а не в глазах. От того, что Ричард Окделл увидит Надоры, он не умрет. От того, что не увидит, не забудет... Нужно было так и ответить и согласиться с тем, чтобы послали Сэц-Арижа; это дело как раз по капитанским мозгам.

Вырванное у Катари поручение – даже не глупая бравада, это почти предательство, потому что королева остается одна. Эпинэ не в счет, он кузину любит, но не понимает, зато Левий не преминет воспользоваться отсутствием Окделла, чтобы укрепить свое влияние. Голубеныш, оставшись без Агариса, вцепился в Талиг мертвой хваткой, а Катари верит и ему, и его Создателю...

– Дикон, ты чем-то расстроен?

– Простите, я задумался. После завтрака я уезжаю. Недели на полторы, не больше.

– Ты едешь? Куда? – Старость всегда в тревоге. Два года назад Штанцлер не выдал бы своих чувств, но бегство из Багерлее бывшего кансильера, нет, не сломало, но приучило ждать худшего. – Не хочешь говорить – не говори. Только скажи, что тебя не гонят в Ноймар или Савиньяк. Иначе мне придется лечь на пороге.

– В Ноймар я поеду позже, – не счел нужным скрывать Дик, – вместе с ее величеством, а сейчас... Для начала я еду к Лукку, а дальше – посмотрим. В Надорах новое землетрясение. Ничего удивительного, если хоть изредка читать, но Роберу приспичило пересчитать беженцев, а... ее величество волнуется за всех.

– Тут я на стороне Эпинэ. – Штанцлер даже не глянул на поданные блюда. – Где беженцы, там и бунт, но посылать тебя, когда ты еще не полностью оправился...

– Эр Август, я прекрасно себя чувствую, и меня никто не посылал! – Святой Алан, ну кто его дергал за язык, но взять обратно свое слово, слово Скал, данное при Катари, невозможно! – Ее величество не хочет, чтобы я ехал, а Иноходец... Он собрался послать своего адъютанта, а тот мало что глуп, еще и не северянин. Что Сэц-Ариж понимает в наших делах?! Да с ним никто и разговаривать не станет!

– И ты, разумеется, вызвался. Семейное чувство долга...

Иногда оно бывает не к месту. – Штанцлер отодвинул тарелку, и Дик последовал его примеру. Есть хотелось все сильнее, но не жевать же, когда старику по твоей милости не идет в горло кусок?!

– Эр Август, это не обсуждается.

– Разумеется. Прости меня, пожалуйста, но у тебя остается не так уж много времени, чтобы уладить собственные дела. Неужели ты думаешь, что, когда регентом станет Алва или, того хуже, ноймар, нас оставят в покое? Что будет со мной, неважно. Я прожил достаточно, и вряд ли мне много осталось, да и смотреть, как все, на что ты надеялся, чему служил, идет прахом, легче из Багерлее. В тюрьме мы хотя бы непричастны к тому, что творят власти предержажие, но ты, Дикон... Если ты останешься сыном Эгмонта, тебя уничают, если сломаешься, сломаешь всех, кто еще верит в истинную Талигойю. Она еще возможна, пусть и без Раканов, но ей необходимо сердце. Все остальное можно найти, добыть, купить, наконец, но без сердца Талигойе не жить.

То, что тебя не тронули теперь, не просто уступка Катарины, это расчет. Хитрый, безжалостный, беспрюирышный. Ты не бросишь свою королеву, ты последуешь за ней в Ноймар, в заключение, а это будет заключение, хоть и почетное! Катарины вряд ли будет очень страдать, особенно если ей вернут дочерей, но тебя запрут в замке, где тюремщиками будет не туповатый Перт с его лодырями, а ноймарские волки. Ты оттуда не выйдешь, если не отречешься от своего естества...

Штанцлер отбросил салфетку, окончательно оставляя без завтрака и себя, и Дикона. Старика было жаль до слез, но сказать о щите Манлия Ричард не мог: сперва реликвию следовало найти. Любой ценой, а тюрем, из которых нет выхода, не существует, особенно когда на твоей стороне сами стены.

– Не волнуйтесь обо мне, эр Август. – Юноша старался говорить мягко. – Герцог Окделл способен о себе позаботиться, тем более в горах, а вот вам и в самом деле лучше уехать прямо сейчас. Мы доедем до Лукка вместе, потом я займусь беженцами, а вам дам провожатых. У вас ведь остались родственники в Дриксен?

– Я не поддерживаю с ними отношений. – Бывший канцильер неожиданно улыбнулся. – У дриксенского гуся отросли слишком талигойские перья.

– Ничего страшного. Я оставлю денег, и вы их возьмете! По дороге мы заедем в дриксенское посольство. Граф Глауберозе – настоящий рыцарь и воин. Видели бы вы, как во время суда над Вороном он приветствовал Катари! Как королеву, как царствующую королеву! Об этом помнит не только Катари...

– Я очень хорошо знаю графа, – негромко сказал Штанцлер. – Чутье тебя не подводит, Глауберозе – настоящий дворянин, но прежде всего он посол и не вправе помогать ускользнуть человеку, находящемуся под домашним арестом. Другое дело, будь я уже в Дриксен, но мне не пробраться через расположение северных армий, а нам с тобой не до-

ехать до Лукка. Неужели ты думаешь, что сумеешь вывезти меня тайком от Карваля?

– Сумею! – Сумел же он выдать Джереми за Удо или... Или подлог был распознан, а «Удо» схвачен каким-нибудь Давенпортом? В любом случае Штанцлера солдатом не оденешь, а монаха или законника герцог Окделл с собой не потащит, хотя... Можно взять с собой академика, чтобы тот своими глазами увидел обвалы. – Эр Август, все очень просто. Я скажу, что беру с собой ученого, только вам придется сбрить бороду.

– Нет, мой мальчик, – твердо произнес Штанцлер, – я не барон Хогберд, и я никуда, сбривши бороду, не побегу. Ты решил во что бы то ни стало остаться с королевой, что ж, я поступлю так же. Мы поедем в Ноймар втроем, и будь что будет. Ты ешь и не смотри на меня. Старость и волнение – плохие приправы. Мне не нравится твоя поездка, мне не нравится твое решение, но мое время прошло. Решаешь и выбираешь ты. Я подчиняюсь.

Придет время, и Ричард выберет. Эр Август не поедет в Ноймар, а отправится в безопасное место. Не в Дриксен, так в Норуэг или Кадану, с подорожной, подписанной Катари, но сейчас заниматься этим некогда.

– Эр Август, я вернусь самое позднее через две недели, а вам... Вам лучше не покидать этого дома. Не думаю, что Эпинэ причинит вам вред, но попадаться на глаза ему и тем более его чесночникам не стóит. Этот Сэц-Ариж... слишком

услужлив.

– Я знаю, мой мальчик, – вздохнул кансилльер, – и я отнюдь не самонадеян, так что останусь под защитой если не твоей шпаги, то твоего герба. Разве что меня захочет видеть королева, но это в ее нынешнем положении маловероятно. По крайней мере до твоего возвращения.

3

Юная желтизна одуванчиков, еще не вставшая стеной крапива, серые стволы с черными разводами... Волшебное все же дерево – бук. Неужели поблизости прячется город? Неужели год назад здесь властвовали садовники и гуляли избранные? Одна осень, одна зима, и Старый парк стал заброшенным, чем не замедлили воспользоваться сорные травы и одичавшие коты.

Дальний плеск воды только подчеркивает зачарованную тишину. Дракко перескакивает через загородившую дорожку тополиную ветку, которая вполне сойдет за дерево. Крапчатый Эрвина не прыгает, но переступает с достоинством. Хороший жеребец, но слишком уж чинный, лишний раз хвостом и то не взмахнет.

Сквозь листву проглянул белый мрамор. Девушка с крыльями. Собранные на затылке кудри, вскинутые к древесным кронам руки. Постамент успели оплести вьюнки, скрыв ступни каменной танцовщицы, может, поэтому фигурка и кажет-

ся почти живой?

– Раньше статуи осенью убрали в домики, – напомнил кому-то Эрвин, – это было так забавно. Помните?

– Я не бывал в Олларии дольше, чем в Талиге.

– Есть вещи, которые не забудешь. Вы видели храм и гробницу *после*?

Эрвин не уточнил, после чего, но не понять было невозможно.

– Нет.

– В прошлый раз я не успел их осмотреть. Пойдете со мной?

– Сейчас?

– Почему нет? Вам не хочется, мне – тоже, а то, что не хочется, лучше делать сразу. Вы не согласны?

– Пожалуй. Если вообще нужно. Левий похоронил... останки в Нохе. Вы вернете их назад?

– Не думаю, что отец сочтет это правильным. Таскать мертвецов туда-сюда – не лучшая мысль, хотя этим то и дело занимаются.

– Тогда зачем смотреть на то, что... сделали? Разумеется, если вы не хотите возненавидеть.

– Регент не вправе ненавидеть, особенно если должен судить. – Эрвин развернул крапчатого умника, хорошо развернул, красиво. – Отец в гробницу не пойдет, но я всего лишь полковник, я хочу запомнить. Кроме того, у меня к вам разговор, который зависит в том числе и от того, что мы найдем

внизу. Или я найду, если вы предпочтете подождать.

– Я не умею ждать, – усмехнулся Робер. – Мне проще идти вперед, но имейте в виду, нам предстоит не лучшее зрелище.

– Переживу, – пообещал ноймар, и они замолчали до самого храма, неожиданно раздвинувшего зеленое буйство. Странно, но здание, как и оплетенная выюнами статуя, не казалось покинутым. Именно поэтому так коробили взгляд сваленные у входа доски.

– Я велел открыть двери, – объяснил Эрвин, – но внутрь никто не входил. Вы в самом деле готовы?

– Да.

Глава 11

Талиг. Оллария. Дриксен. Шеек *400 год К.С. 10-й день Весенних Молний*

1

И вновь два ряда белых колонн, разделенных серебряными лозами. Тишина и покой, в которых зарождается радость. Полумрак пронизан льющимся сквозь витражи голубоватым, словно от утренних звезд, светом. Пахнет свежей зеленью и какими-то цветами. Нарциссами? Гиацинтами? Похоже, за храмом кто-то присматривает. Старики привыкают к месту и делают свое дело, даже если им перестают платить, вот и здесь... Какой-нибудь уборщик набрал в парке цветов и принес то ли святой, то ли себе самому.

–!

Северяне не любят ругани, это Робер уяснил еще в Торке, но Эрвин увидел *это* впервые. Робер, не осознавая собственной трусости, таращился на витражи и колонны, лишь бы не глядеть в сторону бывшего алтаря, а Эрвин стоял и смотрел, вбирая в себя так и не ушедшую из оскверненной святыни удивленную боль.

– Помнишь? – Эрвин замер у разбитой решетки, словно

не желая переступить незримую черту. – Помнишь, какой она была?

«Она»? Девушка на стекле или церковь? И почему все сильнее пахнет цветами, ведь окна закрыты... Неужели тянет из дыры, в которую придется лезть?

– Ублюдки! – Эрвин все же шагнул вперед, под сапогами зло хрустнула каменная крошка. Теперь сын регента стоял над квадратной темной дырой, он уже овладел собой, и все же хорошо, что Дикон скачет к Лукку. Ноймаринены сдержанны и справедливы, но они живые люди, а человеку свойственно мстить. Спокойствие, такое спокойствие в мгновение ока сменяется бешенством.

– Эпинэ, – окликнул ноймар, он стоял возле алтаря, то есть возле того, что от него оставили молодцы Айнсмеллера, – вы это прочли?

– Нет.

– Прочитайте.

Идти по разноцветным осколкам было едва ли не трудней, чем по трупам, – по трупам Иноходец уже ходил... Ноймар склонялся над вывернутой плитой. На белом мраморе четко виднелась надпись, на которую Робер прошлый раз не обратил внимания: «*Моя любовь. Моя жизнь. Навеки*». Франциск был немногословен, но сказал больше любого Дидериха.

– Вы ведь были внизу...

– Был. – Откуда он знает? Глупый вопрос, ведь Придд добрался до цели. Разумеется, его расспросили обо всем. – Пу-

стите, я пойду первым.

Эрвин посторонился, и Робер поставил ногу на присыпанную стеклянным и мраморным крошечным ступеньку. Полуденного света хватало не только на храм, но и на лестницу, где царили голубоватые легкие сумерки.

«Это было печально», – пробормотал Робер полузабытую песенку, и это в самом деле было печально и... маняще. Грязь и злобу принесли под эти своды люди, но они убралась вместе с горящими факелами и зимой. Разрушители найдут свою судьбу, все найдут, и всем воздастся, но только не здесь...

Робер прикрыл глаза, быстро открыл, потряс головой, прогоняя морок. Он не боялся, он хотел вниз, туда, где в колодец смотрится синеглазая фреска, а непонятные цветы пахнут летом и печалью. Эти лилии ждут покоя, спит печаль в лепестках левкоев, смерть коснулась рукою ложа, ни от-дать, ни принять не может... Этим лилиям нету срока, этих струн не умолкнет рокот, память держит не то, что хочет, плачет полдень над ложем ночи, помнит полночь угасший полдень, ты не хочешь, но ты запомнишь... Ставшее неисто-вым желание поймать синий взгляд над темной водой выну-дило разум вмешаться. Остановить, унять безумный порыв.

Только замедлив шаг, Робер сообразил, что бежал, дого-няя черноволосую женщину на стене, а та, по-прежнему не оборачиваясь, спускалась в гробницу. Стройная белая шея, изящная рука поддерживает одеяние... Кем надо быть, что-

бы так рисовать?! Кем надо быть, чтобы поднять руку на такое?

– Ты ее видишь? – спросил сзади Эрвин.

– Да... Это в самом деле фреска. Я тоже не верил.

Голубоватые сумерки становятся синими, верхний мир отдалается, все явственней плеск воды и запах цветов, все трудней не спешить. Прошлый раз вода в колодце никого не звала, не пела, не помнила...

Вспыхнул фонарь; острый, словно клинок, луч разрубил чернеющую синеву. Золотистый клинок, когда-то утаенный плащом заката, пробуждение тайны спящей, стон отчаянья уходящих... Где далекая песня лета, тихий голос любви и света? Только шум тростников зеленых, безнадежность зеркал озерных, ив печальных седые пряди, нениюфары на водной глади...

Конец лестницы, исток песни, тьма и желтое пятно в ней. Фонарь в руках Эрвина, обычный фонарь, и от него обычный свет. Никаких острых лучей, никакой синевы. На полу – осколки надгробий, зимний плащ траурным флагом прикрывает гроб.

– Об этом герцог Придд не говорил.

– О чем?

– О том, что он отдал свой плащ Октавии.

Конечно, Валентин! Только он в тот день и был в трауре. Когда все, испугавшись понсоньи, бросились наверх, Спрут задержался и сделал то, что счел правильным. Никто не за-

метил, даже они с Альдо, а хоть бы и заметили, сочли бы за желание избавиться от ядовитой пыли.

– Эрвин, ты не посветишь? Я загляну в колодец.

Зимой влага пряталась в глубинах, теперь колодец полон до краев, того и гляди перехлестнет. Тянет свежестью, как летним вечером с озерных берегов. Так бы и стоять, вспоминая о зеленых листьях, поцелуях, ласковом шепоте... Рука сама опускается в воду, прохладную, чистую – набери и пей! Чист и потолок – ни фрески, ни пятен, зато в воде что-то белеет, только что не было, а сейчас возникло, то ли поднялось из глубин, то ли упало сверху... Цветок... Дикая лилия. Так вот чем дышит храм.

– Там цветок.

– Принесло водой. Колодец проточный.

Лилия так и просится в руки, но несут не из храма, а в храм. Пусть остается вместе с плащом Валентина, оказавшего мертвой королеве последнюю услугу. Вместе с мраморными змеедевами, тянущими руки к несбывшейся любви. В прибрежных тростниках до сих пор слышат их песни и их плач. Найери помнят, найери ждут...

– Идем, – окликает Эрвин, – мы уже все видели. Не стоит тревожить... вечное.

2

Пистолеты в самом деле были, причем именно морисские

– Мартин не умел врать от начала и до конца, а мнение племянника его и прежде заботило. На оружие охотник денег не жалел, но хотел за них получить лишь самое лучшее или самое редкое. Руперт с сомнением глянул на бойкого торговца, а потом на дядю. Раньше лейтенант с радостью щегольнул бы осведомленностью, теперь хвастовство иссякло. Адьютанту Ледяного не к лицу выказывать кэналлийские знания, особенно перед судом.

– Я решу завтра. – Не дождавшийся ответа дядя поднялся, послав нежный взгляд раскинувшимся на вишневом бархате красавчиком. В ответ крайний пистолет призывно блеснул, словно женщина улыбнулась.

– Конечно, господин Фельсенбург! – закивал негоциант, укутывая сокровище. – Только, если это возможно, я хотел бы получить ответ утром. Барон Цвайфельхафт мечтает об этой паре. Конечно, я никогда ничего не сделаю в обход Фельсенбургов, и барон это знает, тем не менее...

– Тем не менее барону придется подождать нашего решения, – не выдержал Руппи, ибо хорошо перевалило за полдень, а дядя еще собирался взглянуть на рогатины.

Торговец подобострастно улыбнулся – Мартин был и останется графом, молодой Руперт станет герцогом. У кого он станет покупать оружие? А ведь станет! Все Фельсенбурги любят железо... Руппи усмехнулся чужим мыслям и снова сдержался, хотя шутка о том, что морисское оружие надо покупать у Кэналлийца, так и лезла на язык.

– Ну? – не стал терять времени охотник, разбирая поводья. – Что скажешь? На первый взгляд хороши. Можно было не мотать душу человеку, а сразу проверить бой...

Все. Мартин уже не мыслит себя без подмигнувшего ему оружия. Охотнику не до Олафа и не до Гудрун, дожить бы до утра и примчаться в Шек с деньгами, так стоит ли топтать нарождающуюся любовь? Стóбит, потому что дядя достоин лучшего, и это лучшее он получит. Контрабандисты никуда не делись...

– Мартин, конечно, твое дело, но я бы их не брал. Оружие, безусловно, достойное, но не лучшее.

– Почему? – недоверчиво уточнил дядя и чихнул. Он часто чихал от солнца. – Лично я не заметил ни единого изъяна!

– Золотая насечка. Мориски все делают на совесть, но то, что они делают для своей войны, лучше того, что делается для чужой. Шады не терпят излишеств, но знают, что в Золотых землях падки на роскошь, вот и украшают то, что идет на продажу. Чаще всего золотом и теми камнями, которые сами называют «бессмысленными».

– Ты точно знаешь?

– Точно. Я видел *настоящее* морисское оружие. Оно очень простое, и оно редкость даже в Талиге, но достать можно. У кэналлийцев.

– Шварцготвотрум! – разочарованно ругнулся дядя, и Руппи решил не откладывать с контрабандистами. – И все

равно хороши, зверюги! В конце концов, не каждая лиса – седая. Я их, пожалуй, возьму, хотя, конечно... Даже не знаю...

Дядя погрузился в размышления. Руппи очень надеялся, что он не забыл про расшатавшуюся подкову, которую придется менять на выезде из городка. Конечно, Франц – не Генрих, но его примутся расспрашивать, и в первую очередь о задержке. Мама так и не верит, что Гудрун никого не заманивала, а просто ходила во сне. То, что видел он сам, Руппи по возможности старался выкинуть из головы. Увы, картина была слишком впечатляющей, и потом о ней то и дело напоминали. Мама, бабушка, бдящие слуги, любопытствующие сестрицы... Зато они почти забыли про Олафа. Еще бы! Разве может сын оружейника тягаться с голой Девой Дриксен и уединившимся с ней братиком? Да еще в глазах воспитанных девиц.

Мысль вышла странной, веселой и стыдноватой. Особенно для адъютанта, в котором нуждается его адмирал. Руперт почувствовал, что краснеет, и зачем-то подмигнул шедшей навстречу хорошенькой мещанке. Та улыбнулась и очень мило присела.

– Руппи, – внезапно буркнул дядя, – слушай, что вы все-таки делали в библиотеке? То есть почему она была без ничего, а ты... Даже не знаю...

Лейтенант утратил дар речи, и хорошо, потому что сказать было нечего. Осталось пожать плечами и, уходя от ответа, развернуть коня к церкви Святого Руперта.

Вода, журча, изливалась из каменной пасти, переполняла бассейн, растекалась по наклонным, зеленым от водорослей плитам и двумя каскадами рушилась вниз. Полуденное солнце пронизывало водоем, позволяя видеть блестящее на дне золото. Меди и серебра было не разглядеть, слишком быстро они темнеют.

– Не верится, что здесь глубже, чем у Дворцовой пристани. – Эрвин развязал кошелек и вытряхнул содержимое.

Монеты радостно сверкнули и канули в прохладную глубину. Плеснуло, колыхнулись широкие перистые листья. Робер провел руками по глазам и присел на мраморный край, глядя вглубь. Предоставленный самому себе нижний пруд стремительно зарастал. Надо чистить, иначе разбушевавшиеся растения захватят все, кроме водопадов...

– Будем надеяться, нам не помешают, – заметил расположившийся рядом Эрвин, – хотя говорить о делах *здесь* – почти кощунство. И все же придется. Мы в самом деле перешли на «ты»?

– Да, – кивнул Робер, – правда, я заметил только сейчас.

– Я тоже, – признался ноймар. – Странное место это подземелье, но все верно. Я собирался поговорить с тобой откровенно и предложить свою дружбу, но святая Октавия избавила нас от лишних слов.

– Пусть будет святая Октавия, – не очень уверенно согласился Иноходец, вспомнив лилии и змеехвостых плакальщиц. – Придд знает об этом храме больше, но я рад... Только одного друга я уже предал.

– Если я стану таким же, как покойный, можешь предать и меня. Мы на своих границах слишком хорошо помним Двадцатилетнюю, чтобы не доверять Эпинэ. К тому же ее величество в тебе не сомневается, а это сердце не обмануть.

– Катари судит о других по себе. – Растекшаяся по плитам вода походит на стекло, а водоросли колышутся, как женские волосы. Плеск водопада, листья кувшинок, солнечные блики... Не хочется ни думать, ни говорить, даже о самом важном. Остаться бы здесь одному до вечера... до осени... навсегда...

– Я, как ты заметил, вернулся раньше времени, – напомнил о себе Ноймаринен. – И я не считаю нужным откровенничать с регентским советом сверх необходимого.

– Судя по всему, новости не из приятных?

– Затрудняюсь ответить. Я мало смыслю в том, в чем смыслю мало, и я видел только кэналлийского наместника и Дорака. Если говорить о войне, то на юге дела идут приемлемо, на северо-востоке – отлично, а у нас, надеюсь, не хуже, чем предполагал отец. Савиньяк, старший Савиньяк, как ты уже знаешь, разбил в Кадане забравшегося туда Фридриха и, как ты еще не знаешь, на его плечах ворвался в Гаунау. Бергеры могут перевести дух и подставить плечо Талигу, зато

«гусям» о медвежьей помощи лучше забыть. Маршал Севера Хайнриха не выпустит.

– Когда ждать Дорака? – Лионель не выпустит Хайнриха, но отпустит ли Хайнрих Лионеля? Сунуться в насквозь враждебную страну с небольшой армией... Для этого нужно быть больше чем Алвой, потому что Гаунау не Кагета.

– Вы в состоянии поддерживать порядок внутри Кольца Эрнани без помощи Дорака и кэналлийцев, которые нужнее в другом месте. Оллария получит боеприпасы, провиант и фураж. В разумных количествах, конечно, но другой помощи не ждите.

– Понятно. – Почему-то он не удивлен, не испуган и не возмущен, только какое «не хуже» предполагает Ноймаринен? «Не хуже», из-за которого Савиньяк по доброй воле лезет в медвежью берлогу, а сам регент, наплевав на столицу, гонит все, что может собрать, на север? Что ж, пусть Дорак идет в Придду, каждому – свое. Кому-то сдерживать дриксенцев, кому-то растаскивать горожан и мародеров, вешать, обещать, делить... – Если уладится с продовольствием и если вывести из Олларии и разоружить барсинцев и то, что осталось от Резервной армии, я смогу отпустить на север еще и Халлорана. Для поддержания порядка мне хватит королевской охраны, южан и людей Левия. В крайнем случае наберем милицию из горожан.

– Разумеется, лишняя кавалерия нам не помешает. – Эрвин сосредоточенно любовался прибрежными ирисами. –

Предложи ты Халлорана месяц назад, я бы в него вцепился, но все не так просто. Алва отдал приказ, который кажется безумным, но это приказ человека, который знает больше нас. Дорак и кэналлийцы идут не в Придду, как ты, скорее всего, подумал. Они стоят у Кольца Эрнани так, словно внутри – чума. Скоро такие же кордоны установят и с востока, и с запада. Никто не пересечет границу без особого разрешения, так что Халлорану придется остаться с вами. Как и барсинским мерзавцам, хотя этих я бы разоружил и где-нибудь запер. Хлеб и мясо уже на пути из Валмона, но возниц и охрану на Кольце придется менять. С этим вы, я полагаю, справитесь?

– Да.

– Ты немногословен.

– Особенно для южанина, – подсказал Эпинэ и зачерпнул воды. На сей раз смерть от жажды ему не грозила, просто не пить из Драконьего источника было так же трудно, как не смотреть на Марианну.

– Придется лгать. Сегодня я тебе в этом помогу, но дальше ты останешься один. – Если Эрвин похож на отца, то Катарина опять права: Ноймаринены выстоят там, где другие упадут. – Ушедшие на север войска – это понятно и не вызывает в городе особой тревоги. Придда далеко, а война, без сомнения, будет выиграна, ведь ее величество объявила, что там – Ворон.

– Где он на самом деле?

– Был в Савиньяке, потом – у Кольца, сейчас должен говорить с морисками. При герцоге виконт Валме и небольшая охрана. Я надеюсь, что фок Варзов остановит Бруно. Если не на самой переправе, то не дальше Доннервальда.

– Новостей из Придды достаточно, чтобы объяснить регентскому совету, почему не придет Дорак. Больше узнают только Карваль, Левий и мэтр Инголс. В Талиге привыкли думать, что хуже, чем в начале Двадцатилетней, быть не может, но куда падать, всегда найдется... Или уже нашлось? Зачем мы спускались в храм? Что ты искал?

– Чуму. – Эрвин все еще смотрел на цветы. – Ту самую, от которой хочет отгородиться Алва. Придд обратил внимание на одну странность. Прежде чем разрушить храм, Альдо объявил, что дриксы возьмут Хексберг. Ровно через четыре дня буря уничтожила дриксенский флот. Многие из побывавших в гробнице погибли в Доре. Герцог Окделл уцелел, но был разрушен Надор.

– Позже, – уточнил Робер, – и там все вышло из-за подземного озера. Надоры продолжают трястись и сейчас, люди вынуждены уходить... Беженцам некуда деваться, только в столицу. На них приказ тоже распространяется?

– Само собой! – Ноймар не колебался. – Придется их заворачивать в Придду, я этим займусь. Я тебя обманул, лгать регентскому совету ты будешь один.

– Мы отправили к Лукку Окделла.

– Очень кстати, я его расспрошу. Придд не думает, что в

гробнице нашли браслет Октавии. Шкатулка, которую вынули из гроба Франциска, была слишком плоской для браслета.

– Ричард тебе ничего не скажет. Эрвин, я понимаю, теперь не до сына Эгмонта...

– Тебе он дорог? Жаль, я слышал об этом господине мало хорошего.

– Это понятно: Дикон с Валентином – враги.

– Теперь ясно, почему Придд об Окделле вообще не упоминал. Я узнал о поступках сына Эгмонта от других людей, мои наблюдения подтверждают их выводы.

– И все-таки, когда все кончится... Когда все кончится в Олларии, я хочу отпроситься в Торку и взять Ричарда с собой. Под мою ответственность. Если регент согласен забыть, что натворили мы с Карвалем, Дикон тем более невиновен.

– Это не мое дело. Напиши отцу.

– Напишу, но сейчас вам с Окделлом лучше не разговаривать. Он... Понимаю, что это глупо, но он ревнует, а у ревности очень мало мозгов и очень много зубов.

– Любимая мамина поговорка. – Лицо Эрвина просветлело, как в начале разговора, такого странного и такого нужного. – Ты меня заставил пожалеть своего герцога. Я посмотрю на него еще раз и с дороги тебе напишу, но судьба Окделла – дело будущего, вы оба должны до него дожить. Алва без веских на то оснований не лишил бы нас резервов, а вас – свободы. Здесь трудно думать о дурном, но доски, ставшие одной из причин несчастья в Доре, накануне были крепки-

ми. Так, по крайней мере, утверждает Придд, заметивший в Доре ребенка, который не отбрасывал тени.

– Я тоже видел эту девочку, – признался Робер. – Несколько раз. Она появилась в Ружском дворце, когда судили Ворона. Я встречал ее и раньше, только думал, что брежу. Это случилось в Алате перед тем, как я столкнулся с Осенней Охотой. Я рассказывал об этом господину Райнштайнеру, когда он меня арестовал. Похоже, барон мне не поверил, я и сам себе не верю...

– Ты меня весьма обяжешь, если расскажешь об этом *мне*, но сперва проясним с гоганами. Девушка, которую вы поручили герцогу Придду, ожидала несчастья на шестнадцатый день после коронации, но ничего не произошло. Ничего, что было бы заметно. Это так?

– Как будто... Разве что в Нохе появились призраки. Такие, как в Лаик. Сначала я думал, что они приснились сестре, но о них говорят многие. Звонит колокол, монахи выходят на площадь перед храмом... На ту площадь, где сперва растерзали Айнсмеллера, а позже погибли Альдо и Моро, но тогда призраки уже появились. – Неужели в бреду он видел Ноху или это была Дора? Старые аббатства так похожи – глухие стены, плесень и холод.

– Я бы хотел на них взглянуть, но беженцы ждать не будут. Возьми это на себя. Я не слышал, чтобы призраки куда-то перебирались, но что сумел Валтазар, могут и монахи Лаик... Если это они, их мог привлечь оживший монастырь,

а вдруг это другие? Проверишь?

– Конечно. И Лаик, и Ноху. Я тебе напишу.

– Письмо передашь с моим человеком, он будет у тебя недели через две с новостями о беженцах и Окделле, а сейчас расскажи-ка мне о договоре с гоганами.

– Еще были «истинники», – твердо сказал Робер. – Они хотели заполучить Ноху, и они же убили епископа Оноре и магнуса Славы Леонида. Эрвин, как хочешь, но поедем к Данау или еще куда-нибудь. Здесь я не могу говорить о такой мрази.

Глава 12

Дриксен. Окраина Шека *400 год К.С. Вечер и ночь с 10-го на 11-й день Весенних Молний*

1

Последний раз вздохнул орган, старенький священник дрожащим добрым голоском попросил немногочисленную паству думать о Создателе и сверять свои порывы с волей Его и ушел. Дядя Мартин чихнул и поднялся с отполированной благочестивыми задами скамьи, подавая знак племяннику и слугам. Можно было выходить, но Руппи, подчинившись вышеупомянутому порыву, решил порадовать знакомых с детства святых. Мартин пожал плечами и, грозно чихая, направился к выходу. Руппи, торопливо разделив купленные свечи между святым Рупертом, святым Олафом и... святым Ротгером, выскочил на улицу. Начинало смеркаться, и дядя громко – чуть громче, чем требовалось, – напоминал, что герцогиня будет волноваться. Руппи кивнул и вскочил в седло, надеясь на родича, но в глубине души терзаясь сомнениями.

Небольшой отряд буднично порысил к Восточным воро-

там. Городок тонул в поздней весне. Торговые и ремесленные кварталы весело подмигивали желтыми окошками, пахло сиренью и немудреной едой. В «Рогатом муже» лихо стучали кружками и распевали о том, как рыжий Клаус выбрал невесту, но никак не выберет новую шляпу. Захотелось свернуть и перекусить хотя бы хлебом с сыром. Руппи оглянулся на слуг, почесал нос, и тут зильбер начал припадать на заднюю ногу – Мартин был не из тех, кто идет за рыбой, позабыв о неводе.

Подкова держалась на двух ухналях,⁵ и расхлябалась она раньше, чем следовало, но бывший адъютант старины Ади не растерялся. На ходу меняя диспозицию, он спешился и крикнул на помощь Франца. Мамин соглядатай воочию узрел почти отвалившуюся подкову и вместе с дядиным Вальхеном повел зильбера к кузнецу, сетуя на нерадивость ни в чем не повинного конюха. Второй надсмотрщик с тоской взглянул на вывеску и повернул к воротам – предупреждать герцогиню. Остальные, сияя, заворачивали к «Рогатому мужу» – Мартин решил использовать задержку для ужина.

– Мы еще успеем съесть заячье рагу, – с довольным видом постановил охотник. – Или тебе кусок в рот не лезет?

– Лезет, – не стал кривить душой Руппи, – и даже не один. Вот перед боем я есть не могу...

– Перед боем есть вредно, – одобрил дядя. – Хуже нет получить пулю в набитое брюхо. Тут, между прочим, есть вто-

⁵ Ухналь – подковный гвоздь.

рой выход – муж, он не просто так рога отрастил. Поедешь на Крабе, он двужильный, даром что бочить любит. Нипочем не догадаешься, что Краб к бойням и обратно мотался, а не сено хрумкал.

– Я быстро...

– Ты? – возмутился Мартин. – Так я тебя и пустил!

– Да что со мной может быть?

– С тобой – ничего, а со мной, если ты с Олафом в Эйнрехт удерешь, будет. Даже не знаю...

– Какой Эйнрехт?! Мы же не должны видеться до суда.

– Это ты сейчас помнишь, – отрезал охотник, – а поговорите – и забудешь.

...Когда, расправившись с рагу и обсудив-таки библиотечного Фридриха, они выбрались из кабачка, стены складов и мастерских почти слились с ночной тьмой. Луна, как нарочно, шмыгнула в облака, но Мартин в потемках видел едва ли хуже кошки. Руппи оставалось лишь держаться рядом. Выхать из города труда не составило, стража в Шеке у ворот появлялась лишь во время ярмарок – собирать пошлину. Пару минут рысью вдоль стены, и вот она, развилка, прямо – Фельсенбург, направо – бойни.

– Мы не рано? – шепнул Руппи, тщетно вглядываюсь в темноту.

– Вовремя, – утешил охотник. – Это они, похоже, запаздывают. Не споткнешься? Даже не знаю... Фонарь зажечь?

– Нет, я дойду.

Глаза не спешат привыкать к темноте, но место здесь ровное, утоптанное. Повернуть направо, пройти вдоль забора, пересечь площадку, на которой по осени коновалы осматривают скот... Если Диц все понял правильно, Олаф уже ждет у сараев.

– Фонарь дать? – Забавно все-таки смотреть на всадника с земли, особенно в темноте!

– Обойдусь. А если их там нет?

– Если нет, вернешься в харчевню, а я поищу.

Темнота понемногу распадается на землю, стены и пустоту. Кажется, ближе к забору что-то есть, что-то живое... Нет, тихо.

Руппи поправил шляпу, в последний раз оглянулся на Мартина и пошел по утрамбованной множеством копыт земле, от которой отреклись даже одуванчики. Вот и площадь. На всякий случай положить руку на эфес и замедлить шаг... Впереди вновь что-то шевельнулось. Вспыхнул огонек. Фигура в плаще с капюшоном держит потайной фонарь, чуть дальше, у сараев, стоит кто-то еще, выше первого и как будто худее. Света хватает лишь на то, чтобы вырвать у ночи силуэты, с дороги не увидишь даже отблесков.

Высокая, такая знакомая фигура, еще более знакомо придерживая шпагу, делает шаг вперед. Все в порядке!

Ледяной с Дицем шли медленно, старательно обходя всякий хлам, и все-таки Олаф споткнулся – он и до раны видел в темноте не слишком хорошо. Руппи невольно ускорил шаги, почти побежал к своему адмиралу. Звякнуло, весело блеснул предвесенний снег, заржал убитый по зиме зильбер... лейтенант обернулся и чуть не налетел на полуразвалившуюся бочку, которую не успел разглядеть. Вот ведь пакость! Преграда левая, обойти – дело секунды, но рядом еще и камни с кольцами. Привязывать скот.

– *Будет весело, очень весело!* – Радостный звенящий голосок рассекает тишину. – *Тебе понравится... Ты поймешь, сейчас ты все поймешь...*

Смех за спиной. Звон. Порыв ветра. Диц хватается за шпагу, Олаф – за голову. Оба замирают. Адмирал с премьер-лейтенантом молчат, молчит и Руппи. Странно и резко кричит невозможная в горной ночи чайка, мимо проносится что-то темное. Летучая мышь? Шляпа! Чья? Издевательский свист ветра подхватывает чужое оханье и сдавленную ругань, мгновенно переходя в вой. Грабители? В Шеке?! Даже не смешно...

На зубах скрипит пыль, какие-то деревяшки грохают о забор, вновь орет непонятная чайка.

– Засада!!! Хельмут, уводи Ледяного! Живо!!!

Фельсенбург прыгает к стене, прикрывая левой рукой глаза от пыльного вихря, а правой выхватывая шпагу. Потому что люди за спиной никак не могут быть друзьями! Кто добыча? Олаф? Они все?! И где Мартин?! Неужели...

Тяжелое тело с неистовой силой врезается в камень слева... Всего в паре шагов. Треск костей пробился даже сквозь завывания разъяренного ветра.

– Чего ты ждешь? Танцуй... Танцуй же!

Сколько их? Не разглядеть... Не меньше четырех... Синие сполохи прорезают темноту, пробегают по гибкому призрачному столбу, что кружит меж рычащих раскоряченных фигур. Некогда любоваться, к бою! Клинок – вперед, быстрый взгляд через плечо... Пусто. Где Олаф?! Только б послушались, ушли, а с этими... С этими станцуем! Чаячьи крики, синие блики, ветер и схватка в ночи... Отскочить к скотному камню, не забывая рассекать шпагой тьму, кинжал в левую руку. Теперь он готов. Сбоку кто-то шевельнулся... Шевельнулись. Двое... Бегут на помощь. Проклятье!

– Уходите! Немедленно уходите!!!

Крылатая тень в ореоле синих искр проносится совсем рядом, бешеная звездная россыпь бьет по глазам, вскипают и тут же высыхают слезы. Порыв ветра сдирает с Олафа плащ, почему-то не погасший фонарь выхватывает двоих совершенно незнакомых людей.

Со шпагами в руках они бегут к Руппи. Это охота... Охота на Фельсенбурга, чтобы он не добрался до суда, чтобы он во-

обще замолчал! Ну уж нет! Горечь. Ярость. Память о зимней засаде и что-то еще, недоброе и лихое, подхватывает, обнимает, кружит, бросая в бой, как в танец. Они хотят его убить? Они что-то сделали с Олафом, заняли его место? Их много? Пусть! Это хорошо! Это весело и легко... Обман, чужие шпаги, предательства, что они против синей ночи, против весны, против танца? Звезды прорывают облака, пригоршнями сыплются вниз, тянут за собой лунные полосы... Ветер и звезды, ветер и звезды, ветер и звезды, звездная мгла!..

– Ладно, потанцуем... Сейчас! Со всеми. Держитесь, товари!

Грубый стон переходит в придушенный хрип, лязгает о камень упавший клинок, кричит за спиной сумасшедшая чайка. Некогда оборачиваться, да и не нужно – он и так знает, что там – смерть и танец, чужая смерть, не твой танец, твой вот он, с этими двумя. Они украли чужие имена, они искали Руперта фок Фельсенбурга – они нашли. Он нашел...

Сталь в руке, на острие – звезда, они единое целое – Руппи и клинок, Руппи и звезда, а тех, позади, можно не опасаться. Они уже танцуют... В последний раз!

Пинком отправить навстречу более проворному «Дицу» комок из его же плаща, броситься наперерез «высокому». Создатель, это же не противник для хорошего бойца! Даже для приличного...

Неуклюжий, хоть и сильный удар впустую рассекает воздух, утягивая за собой руку. Сейчас... Нет! Не убивать, а то

живых может и не остаться. *Тогда* не осталось... Шпага останавливает полет, замирает, бросается вниз, впиваясь в бедро опрометчивого обманщика. Короткий вопль. Хлещет кровь, звездное сиянье становится неистовым. А вот и *она!* Во всей красе.

Тогда был снег, сейчас – звезды, а ветер будет всегда... Крылатая, гибкая, она оставляет неуклюжих убийц, скидывает руки, вынуждая отпрянуть выскочившего из-за падающего напарника «Дица». Этот шпагу держит уверенно, но против ветра он ничто. Обманщик пытается, как только что Руппи, прикрыть лицо рукой, пятится, вслепую рубя клинком перед собой. Это смешно, как же это смешно, но надо очнуться! Это танец, но это и бой... Это бой, но это и танец, и радость, и полет. Вместе с ветром, вместе со звездами, вместе с весной и с *ней*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.